ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 145 (3801)
Четверг,
5
декабря
1957 г.

Цена 40 коп.

Только при социализме!

«УЖЕ третий месяц грозный дух заразы кочует по большой тундре, сбирая с оленных людей человеческие головы в ясак... Люди называют его Хозяином страны...» — так начал один из своих чукотских рассказов известный русский писатель и этнограф В. Тан-Богораз. «На берегу озера, в одном из малолюдных уголков тундры, лежало стойбище, пораженное заразой... Рухлядь на санях и шкуры были покрыты толстым слоем инея, перед дверьми шатра нигде не горел огонь, из отверстий вверху не выходило дыма, свидетельствующего о деятельности женщин, варящих пищу. Людей нигде не было видно, они были внутри под завернутыми меховыми полами, столь же неподвижные и холодные, как мерзлый кусок сырого дерева...»

Это написано о чукчах. Написано в 90-е годы XIX века. И это — правда.

По дальним окраинам Российской империи жили забитые и бесправные «инородческие» племена, поставленные, по словам Ленина, «в условия жизни, еще более бесчеловечные, чем условия жизни русского человека». Повально безграмотные, темные, одурманенные шаманами, они оставались на феодальной, а то и на общинно-родовой стадии: это было выгодно буржуазно-помещичьему царскому правительству, дравшему — вкупе с национальными богатеями — три шкуры с беззащитных «инородцев».

Не удивительно, что всякая мысль о развитии письменности и литературы у народов, находившихся в таком положении, не принималась верноподданными царизма всерьез. И для них не звучало кощунственно, как ныне для нас, фетовское «у чукчей нет Анакреона, к зырянам Тютчев не придет...»

Прогремел Октябрь. Минуло сорок лет, сорок советских лет. Десятки малых народностей, не имевших до Октября ни литературы, ни письменности, создали при Советской власти свою письменность, создали национальные писательские кадры, создали свою художественную литературу, литературную критику, литературоведение. Огромной победой было присутствие на Первом Всесоюзном съезде советских писателей двоих литераторов-удмуртов, представителей ранее бесписьменного народа. Победой был факт выступления на съезде писателя из Чечено-Ингушетии. Знаменательно было и то, что в тридцатые годы в Северной Осетии, например, уже сложилась своя писательская организация.

Но теперь не только о **факте появления** литератур у ранее бесписьменных народов говорим мы,— мы говорим о **качественном росте** этих литератур. Талантливейшие их представители известны по всей стране. Всесоюзный читатель знает, скажем, нанайцев А. Самара и А. Пассара, адыгейцев Т. Керашева и А. Евтыха, бурятов Х. Намсараева и Ч. Цыдендамбаева, кабардинца Х. Теунова, балкарца К. Кулиева, якута Н. Мординова. Творчество Салчака Тока, одного из представителей тувинской литературы, насчитывающей всего два с лишним десятка лет развития, известно в Венгрии, Польше, Болгарии, Чехословакии, Германской Демократической Республике. Писатель из удэгейцев, некогда вымиравшего народа, Джанси Кимонко — автор повести «Там, где бежит Сукпай», изданной в переводах на венгерский, немецкий, польский, французский, чешский, румынский языки.

Сейчас, когда подведены итоги сорокалетнего развития Советского государства, выход на международную арену литератур, рожденных Октябрем, не кажется советским людям чем-то особенным. Мы, живущие по нормам нашей, самой справедливой, самой демократической в мире Конституции, считаем это великое достижение естественным и обычным. Но все значение происшедшего станет ясным, если мы сопоставим развитие малых народов, скажем, Советского Севера с судьбой родственных им коренных жителей Северной Америки. В советской печати было опубликовано письмо английского журналиста Ральфа Паркера, адресованное чукотскому писателю Юрию Рытхэу. Паркер описывал судьбу эскимосского племени игальмютов. «В 1912 году... игальмютов было две тысячи человек, а в 1916 осталось всего триста... К 1947 году их насчитывалось сорок шесть... Что касается последних остатков племени — сейчас их менее десятка человек, — то это уже мертвое племя: в нем нет больше женщин... Я пишу о мертвых... Смертельное дыхание капитализма сделало то, чего не может сделать ледяной холод Арктики: оно убило целый народ, честный и трудолюбивый, со своеобразной национальной культурой».

В условиях царской России такая судьба ожидала родственных игальмютам чукчей. Чукотский народ был спасен Октябрьской революцией. Мы имеем в виду не только экономическое развитие Советской Чукотки, не только анадырские угольные шахты и Пловерский зверокомбинат, не только прославленную чукотскую пушнину и оленеводческие хозяйства. Мы имеем в виду стихи В. Кеулькута. Мы имеем в виду рассказы Ю. Рытхэу, переведенные на немецкий, французский, болгарский, английский, датский, испанский, итальянский и польский языки. Мы имеем в виду развитие культуры и литературы чукчей. Судьба малых народов, вошедших в единую семью народов Советского Союза, столь контрастирующая с судьбой малых народов при капитализме, — прекрасное свидетельство тех творческих путей, какие открыл перед всеми народами единственно справедливый, наш, советский, социалистический строй.

Нет и не может быть народов бесталанных. Органическое стремление к литературному творчеству было всегда свойственно всем народам. Замечательные эпосы, созданные народами Кавказа, бурят-монголами, якутами, каракалпаками, передавались из поколения в поколение. Там, где не было письменности, где не было писателей, были народные песни, были народные певцы.

Но стремление народов к литературному творчеству разбивалось о страшную культурную отсталость, которая была следствием отсталости экономической, разбивалось об антинародную, колонизаторскую политику царизма. Без широкой государственной и общественной поддержки безуспешными оказались попытки коми Ивана Куратова и кабардинца Кази Атажукина создать в XIX веке национальную письменность. Даже там, где письменность была создана и литература заявляла о себе, она встречала трудности, фактически закрывающие ей пути дальнейшего развития. Основоположник чувашской литературы К. Иванов, изгнанный из гимназии, доучивался самостоятельно и лишь к концу жизни сумел добиться места учителя. Лучшую свою поэму «Нарспи» К. Иванов издал анонимно — имя его было в «черных списках», а отношение властей к развитию чувашской культуры хорошо выражалось словами некоего Н. Мельникова в «Казанской газете»: «Чувашской культуры не бывало и не будет».

Советская власть не только дала письменность и возможности для быстрого и свободного развития литературы ранее бесписьменным народам, она раскрепостила и те малые народы, которые сумели создать свою литературу в дореволюционное время, но чье литературное творчество было лишено тогда возможности настоящего развития. За сорок лет Советской власти расцвела литература татар и башкир, абхазцев и осетин и многих других народов.

«При капитализме уничтожить национальный... гнет **нельзя.** Для этого **необходимо** уничтожить классы, т. е. ввести социализм», — писал В. И. Ленин за 15 месяцев до Октябрьской революции. «Помощь нациям отсталым и слабым необходимо усилить содействием самостоятельной организации и просвещению рабочих и крестьян каждой нации в борьбе с средневековым и с буржуазным гнетом, равно содействием развитию языка и литературы угнетенных доселе или бывших неравноправными наций», — писал В. И. Ленин через 16 месяцев после Октябрьской революции, когда осуществление ее целей стало практической задачей дня. Эти мысли отразились в программе партии, принятой VIII съездом и ставшей руководством к действию.

15 ноября 1917 года в «Декларации прав народов России» ленинское правительство провозгласило политику «добровольного и честного союза народов», политику «свободного развития национальных меньшинств и этнографических групп» России. Эти положения были отражены в первой советской конституции — в Конституции РСФСР 1918 года и в Конституции 1924 года, провозгласившей образование СССР. Они украшают и ныне действующую Советскую Конституцию.

Советская власть не ограничилась установлением юридического равенства наций. Великая Октябрьская социалистическая революция отличалась от революций буржуазных, в частности, и тем, что она не только декларировала равенство наций, но создала **реальные возможности** всестороннего развития больших и малых народов.

Только в этом году состоялись встречи москвичей с писателями Кабардино-Балкарии, Адыгеи, Карачаево-Черкесии. А в эти дни Москва встречает писателей из далекой Якутии...

Сейчас, когда мы имеем дело с целой системой развитых советских литератур, в том числе молодых литератур, в полном смысле слова рожденных Октябрем, становится ясным величие работы, проделанной Советской властью, величие пути, пройденного нашей страной под руководством партии, величие политики дружбы народов. Сейчас, когда под знаменем социалистического реализма развиваются литературы марийцев и хакасов, эвенков и ульчей, мордовцев и ненцев, ханты и манси, литературы всех, даже самых малых советских народов,— мы говорим: да, это может быть только при социализме!

АНДРЕЮ УПИТУ

Глубокоуважаемый и дорогой Андрей Мартынович!

ПРАВЛЕНИЕ Союза писателей СССР и московские писатели от всего сердца шлют Вам, одному из основоположников современной латышской литературы, одному из старейших и выдающихся представителей всей нашей многонациональной советской литературы, свои самые горячие поздравления в день Вашего славного восьмидесятилетия.

Начав литературную деятельность более полувека назад, Вы внесли огромный вклад в культуру родного народа и народов Советского Союза. Десятки томов Ваших романов, повестей, рассказов, пьес отображают исторические судьбы латышского народа, ярко показывают революционное пробуждение масс и их движение к революции, к строительству новой, свободной жизни, остро обличают класс капиталистов, буржуазию, мещанство, всевозможных ренегатов, политических и моральных уродов и декадентов.

В замечательном цикле романов о Робежниеках Вы с большой силой отразили социальные противоречия конца прошлого и начала нашего века в среде латышского крестьянства, показали латышский народ в революции 1905 года, дали уничтожающую характеристику периода буржуазной диктатуры в Латвии.

Ваш роман «Земля зеленая», многокрасочно повествующий о жизни латышского крестьянства, переведен на многие языки мира и завоевал заслуженную популярность. Значительнейшим вкладом в литературу социалистического реализма явился Ваш роман «Просвет в тучах» — первый монументальный роман о становлении и развитии революционного пролетарского движения в Латвии. В области драматургии Вы создали много ярких произведений — драм и трагедий, комедий и одноактных пьес, пользующихся неизменным вниманием театральных зрителей.

Ваши произведения свидетельствуют о глубочайшем знании народной жизни и быта, народных типов и характеров, о подлинной народности и партийности всего Вашего творчества.

Обширны Ваши труды в области истории мировой и латышской литературы, литературоведения и критики. Высоким мастерством отличаются Ваши переводы на латышский язык произведений классиков мировой и русской литературы.

В своем творчестве Вы прошли большой путь от критического реализма к социалистическому и создали монолитные художественные образы, навсегда вошедшие в литературу и в жизнь народа.

Ваш путь — это путь творческого подвига и неустанной борьбы за утверждение реалистического искусства, служащего интересам народа, строителя нового, коммунистического общества. В Вашем лице мы видим пример неразрывного слияния художника и мыслителя, писателя и общественного деятеля. Вы активно участвовали в работе первого советского правительства Латвии в 1919 году и со всей энергией включились в общественную, научную и государственную деятельность после возвращения Латвии в семью советских народов. Всю силу своего таланта Вы отдали борьбе против захватчиков в период Великой Отечественной войны. Выражением высокого доверия народа явилось избрание Вас в Верховный Совет Латвийской ССР. По заслугам и с честью несете Вы высокое звание народного писателя Латвии.

С глубоким к Вам уважением и большой любовью мы шлем Вам, дорогой Андрей Мартынович, пожелания здоровья и долгих лет жизни.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Упита А. М. орденом Ленина

В связи с восьмидесятилетием со дня рождения писателя Упита А. М. и отмечая его выдающиеся заслуги в развитии советской литературы, наградить тов. **Упита** Андрея Мартыновича орденом **Ленина.**

Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. ВОРОШИЛОВ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

Москва, Кремль. 4 декабря 1957 г.

Юрий РАЗУМОВСКИЙ

Наша Конституция

Среди своих настольных книг
Ее всегда храним.
Здесь строчка каждая, как стих,
Как всенародный гимн.

Ее тисненый переплет
Раскроешь, словно дверь,
В тот день, где радостно живет
Страна твоя теперь.

Страница, скромная на вид,
Как край наш, широка,
Здесь строчка каждая лежит
Дорогою в века.

В страницы эти углубись.
В них острая, как меч,
Сверкает ленинская мысль
И ленинская речь.

Простые гордые слова
Нас за сердце берут —
Всем обеспечены права
На отдых и на труд.

И видишь ты: желтеет рожь,
Синеет Волго-Дон,
Спешит с завода молодежь
На новый стадион.

Как символ счастья, книгу книг
На сердце мы храним.
Она написана, как стих,
Как всенародный гимн.

Нефть пошла. *Скульптура М. Павловского* (Всесоюзная юбилейная художественная выставка).

Александр БОРОДУЛИН,
Герой Социалистического Труда, фрезеровщик

МОЙ ТРУД

ОДНАЖДЫ паротурбинный цех моего завода посетили американцы, деловые люди, как они себя называют. Рассматривали станки, интересовались качеством продукции. Поднялись на стенд. А стенд, надо сказать, это место особое — на его разросшейся площадке отражается вся трудовая жизнь нашего коллектива. Я, например, как иду утром к своему станку, обязательно на стенд гляну: что там сегодня? Как идет сборка? Скоро очередное испытание начнем? Сколько ни вышло паровых турбин с маркой нашего завода, — все они через это обязательное место прошли. Тут обычно находятся рабочие, техники, инженеры, которые самым тесным образом связаны с рождением новой машины. И вот на этом видном месте стоит чужой для нас человек, слушает объяснения, поигрывая богатым перстнем. Тогда один рабочий спрашивает у него:

— Скажите, а какое вы имеете отношение к турбинам?

— Покупаю, когда они мне нужны.

— Бизнес, значит?

— Да, — говорит американец и добавляет, чтобы его лучше поняли: — Я богатый человек.

— Ясно. Только я, извиняюсь, побогаче вашего буду, — уточняет рабочий. — Да очень просто. Сам турбины делаю — это раз. Свои электростанции и заводы ими снабжаю — это два. Теперь вам могу такую машину продать — это три.

Американец смеется.

— Почему бы вам не купить?— продолжает рабочий. — Покупайте, жалеть не станете. Это я ответственно говорю, с полной гарантией.

Мне этот разговор очень понравился, я его сегодня, в день нашей Конституции, неслучайно вспомнил. Я ведь, когда на завод пришел, разнорабочим был. Но только дело не в этом. Нынче, бывает, ребята в цех из средней школы приходят, а на первых порах тоже подсобничают. О другом хочу сказать.

Когда поступил на завод, Советская власть свое второе десятилетие начинала, но, по правде говоря, мне до нынешних десятиклассников далековато было. Из детских лет помнил лишь скудость в доме да темень, в которой пребывало все наше крестьянское семейство. Помнил еще демонстрацию, с революционными песнями, под красными флагами, в октябре 1917 года, но особенно хорошо — рабочего-металлиста, читавшего вслух газеты, отвечавшего на вопросы мужиков. Он меня рабочим делом и увлек. Устроился я на Металлический завод. Велят стружку возить — берусь за тачку, посылают снег разгребать — вооружаюсь лопатой, инструмент требуется — бегу за инструментом. Знал, конечно, что завод турбины делает, очень хотел специальность получить, к старикам присматривался, слушал, как они рассказывают о страшной жизни фабричных при капиталистах... да вот в собственных мыслях выше рукоятки станка не поднимался. Все мои заботы слишком узким кругом ограничивались.

Как-то в ночь работал. Вдруг заходит в цех коренастый товарищ в осоавиахимовской фуражке, какие тогда носили, и энергичным шагом направляется в нашу сторону. Спрашиваю мастера: «Кто таков?»—«Киров!» Через две минуты вокруг него толпа. Киров говорит: рабочим Ленинграда дано боевое задание — изготовить турбины на общую мощность 800 тысяч киловатт. А мы тогда выпускали машины всего по 12, по 24 тысячи киловатт в одном агрегате. Так что, вижу, дело действительно большое. Ваши паровые турбины, разъясняет Сергей Миронович, будут давать электрический ток Уралу и Донбассу, Сибири и Украине. Я, говорит, только что с Нивской станции. Строители просят товарищей металлистов поторопиться, чтобы у них простоя не вышло.

Позже мне Кирова не раз приходилось видеть. И всякий раз замечал: один у него интерес — чтобы работа наша дружнее, слаженнее шла. Через Кирова мне народная сущность Советской власти хорошо раскрывалась: человек труда — главный в обществе.

Я тогда еще не знал знаменитых слов Владимира Ильича о коммунизме, который наступит, когда при Советской власти электричество распространится по всей стране. Эта мысль вошла в мое сознание, когда социалистическое соревнование, начатое рабочими по соседству с нами, на заводе «Красный выборжец», могучим валом пошло по всему Союзу, вовлекая в большую творческую жизнь тысячи и миллионы таких же простых людей, как я. Тогда ленинские слова о коммунизме пробудили во мне особую ответственность.

Рядовой фрезеровщик, занятый изготовлением деталей для паровых турбин, я почувствовал себя причастным к распространению электрической силы по всей нашей земле. Теперь букса, золотник, рейка перестали быть в моих глазах только деталями, изготовление которых предусмотрено месячным планом. Теперь я смотрю на каждую шестерню, идущую с моего станка, как на личный вклад в торжество ленинской мечты.

Может быть, ничего такого и не было в той кулачковой раме, которую мне в один прекрасный день поручили самостоятельно обработать, но высокая точность заказа (отклонение не более двух десятых миллиметра), а главное то, что своевременный выпуск турбины зависел именно от рамы, мне порученной, превратило простую, казалось бы, обработку детали в целое событие, которое я вот уже четверть века помню во всех подробностях. Это было доверие, на котором человек растет не только и, может быть, не столько профессионально, сколько граждански, политически.

Прежде, например, я каждого старика за одно то высоко чтил, что работает здесь едва ли не со дня основания завода и прекрасно помнит, каким выдающимся считался в 1914 году заказ на изготовление металлической конструкции для церковного купола. Теперь же во главу угла ставил, как относится человек к нашим общим интересам. Помню одного старика — пружины навивал. Очень искусный работник, совершенно не знавший грамоты. Он шаг станка на спичках рассчитал. И так до конца своих дней вил пружины, никого не допуская к своему секрету.

Другой же старый рабочий вызывал самые глубокие симпатии. В конце каждой смены разложит он на две горки свою продукцию и говорит мастеру: «Эту можешь смело сдавать, а эту проверь». И жизнь шла так, что все сильное и лучшее, что было в каждом коллективе, выступало в самую решительную поддержку вот такой вот честности, высокой сознательности и ответственности рабочего за свой труд.

Это была наша советская, социалистическая жизнь, построенная на принципах, которые закреплены в самой демократической Конституции — Основном Законе нашего государства.

НА РОДИНЕ богатого «делового человека», который делает свой бизнес на турбинах, иногда, как это видно из газет, печатаются материалы о жизни рабочих, названные, к примеру, так: «Слишком старые в сорок пять лет». В них рассказывается о тех, кто, достигнув сорока пяти лет, не может найти применения своим силам, о том, что в Америке «ни один закон не разрешает проблему рабочих старше 40 лет, которых на рынке труда отодвигают на задний план».

Мне исполнилось сорок лет через год после Победы. Всю войну, всю блокаду я провел в Ленинграде: эвакуировал семью и три года жил на заводе. Фрезеровщиков, кроме меня, в цехе не было. Получая хлеб по рабочему пайку, я ремонтировал танки, делал боеприпасы, тушил пожары от прямых попаданий бомб и артиллерийских обстрелов, добывал из-под снега щепу и уголь, чтобы поддержать огонь в заводских топках. Хорошо помню: еще гремело сражение, еще были в ходу первые наши ненормированные продукты питания — зеленые щи из лебеды и пастушьей сумки, а на заводе уже рождался документ, названный «Розовой книгой»: на тонкой розовой бумаге, оказавшейся в запасе, были отпечатаны рабочие проекты и тех-

(Окончание на 2-й стр.)

К новым рубежам

Беседа с заместителем министра высшего образования СССР В. Столетовым

В НЫНЕШНЕМ ГОДУ высшие учебные заведения СССР выпустили в 21 раз больше специалистов, чем выпускала в год дореволюционная высшая школа. Ни одна капиталистическая страна не добилась таких темпов развития высшего образования.

— Права и свободы, провозглашенные Конституцией СССР, — это не только декларация, — сказал в беседе с корреспондентом «Литературной газеты» заместитель министра высшего образования СССР В. Н. Столетов. — Эти права обеспечены у нас надежными материальными гарантиями. Что касается высшего образования, то я имею в виду обеспечение студентов стипендией, бесплатность обучения, пользования библиотеками и научным оборудованием для лабораторных работ, создание курсов по подготовке к экзаменам в вузы для юношей и девушек, которые по окончании средней школы пошли на производство, бесплатность лечебной помощи студентам и т. д. Ведь на Западе за все это приходится платить. В нашей же стране это стало чертой советского образа жизни, как и то, что в высшей школе полностью исключена какая бы то ни было дискриминация — по имущественному ли и социальному положению, национальному признаку, полу, религиозным убеждениям.

Высшее образование у нас доступно всем. В дореволюционной России высшие учебные заведения существовали только в 21 городе, причем они были сосредоточены преимущественно в центральных районах страны. Ныне у нас вузы существуют уже в 216 городах. Кроме того, в 300 других городах открыты филиалы, отделения и консультационные пункты различных заочных институтов. Непрерывно расширяется сеть вузов в восточных районах страны — на Урале, в Западной и Восточной Сибири, на Дальнем Востоке, в республиках Средней Азии.

Ныне все союзные республики имеют свои университеты как центры национальной культуры, а некоторые, как, например, РСФСР, УССР — по нескольку университетов. В последние годы они стали возникать также в автономных республиках — в таких, как Якутская, Кабардино-Балкарская, Башкирская, Дагестанская, Мордовская. В СССР насчитывается уже 39 университетов. Обучение в каждой национальной республике ведется на родном языке.

Сейчас в Советском Союзе число студентов вузов превысило два миллиона человек.

Туристы и зарубежные гости часто интересуются «отсевом» студентов из советской высшей школы. Он у нас очень невелик, в четырепять раз ниже, чем в капиталистических странах.

Качество специалистов, выпускаемых нашей высшей школой, не ниже, а порой выше, чем на Западе. Но то, что удовлетворяло нас вчера, уже не будет удовлетворять завтра. Намечаемый рост решающих отраслей народного хозяйства страны и крутой подъем сельского хозяйства в предстоящие годы обязывают нас отнестись к качеству подготовки специалистов с особым вниманием.

С этих позиций мы и рассматриваем задачу дальнейшего повышения уровня подготовки специалистов. Для этого у нас имеются все условия: улучшается материальная база вузов, растут кадры ученых, с каждым годом увеличивается число юношей и девушек, хорошо подготовленных к поступлению в вузы.

Из года в год усиливается конкурс при поступлении в стационарные вузы. Одновременно будут повышаться требования к студентам, которые, выдержав конкурс, окажутся зачисленными в вузы. При этом государство делает все необходимое, чтобы предоставить каждому желающему получить высшее образование, все условия для осуществления этого желания в системе очного или заочного образования.

Ни в одной стране нет такой обширной сети заочных институтов, отделений, факультетов, как в Советском Союзе. Институтов этого типа у нас более тридцати, а факультетов и отделений — свыше шестисот. В них в минувшем учебном году обучалось более 800 тысяч человек. К 1960 году число студентов заочных и вечерних учебных заведений достигнет миллиона, а возможно, и превысит эту цифру.

Ученые, работающие в вузах, думают над тем, как теснее связать очные вузы с производством, а с другой стороны — производство с заочным и вечерним высшим образованием. Молодым людям, имеющим трудовой стаж, предоставлены льготы при поступлении в вузы. Производственникам, показавшим хорошие успехи на заочных факультетах, дается возможность завершать образование и в очных вузах. Намечается ряд мер дальнейшего сближения образования с материальным производством. Например, обсуждается вопрос об увеличении доли производственного обучения молодых специалистов за время пребывания их в вузах или после окончания теоретического курса.

— В системе организации нашего высшего образования, — сказал в заключение заместитель министра,— должен развиваться дух социалистического соревнования за овладение высотами науки и техники — соревнования, в котором участвовала бы вся молодежь, имеющая законченное среднее образование. Мы стремимся к тому, чтобы этим патриотическим духом был проникнут весь комплекс высшего образования.

Хроника одной семьи

Елена МИКУЛИНА

ВОСЕМЬ ДЕТЕЙ было у дехканина Вахида Захидова из кишлака Катартал, который раскинул свои кривые улицы невдалеке от Ташкента. Один сын — Абдурахман пал в бою, защищая Родину, а четыре сына и три дочери живут и здравствуют в столице Узбекистана. Старший — Абдулла Захидов — кандидат медицинских наук, директор Узбекского санитарно-гигиенического института. Халима Захидова — кандидат экономических наук — начальник одного из главных управлений Министерства сельского хозяйства Узбекистана. Абдуллахад Захидов — кандидат технических наук — заместитель директора Института водных проблем и гидротехники. Хабиба Захидова — врач, ведает лечебной частью второй Ташкентской глазной больницы. Хакима Захидова — врач, преподает в медицинском институте. Фаттах Захидов — инженер, ассистент кафедры в Среднеазиатском политехническом институте. А самый младший в семье — Саттар Захидов — инженер-конструктор одного из заводов.

Но уже не может порадоваться жизненным успехам детей их отец — Вахид Захидов: еще в 1930 году горько оплакала семья смерть кормильца. И не дехканин Вахид Захидов вырастил своих сыновей, не он вел их за руку к новой жизни, не виданной не только в кишлаке Катартал, но во всех кишлаках Узбекистана, — сделала это Советская власть!

ДВАЖДЫ в этом году мне пришлось побывать в Узбекистане. Оба раза возвращалась в Москву в состоянии душевного опьянения. Не щедрое, плодоносное солнце, не колорит этой страны, сочетающий голубые краски неба, зелень деревьев, янтарь винограда, суровую красоту гор и горячее дыхание пустынь, так волновали меня. Иное потрясло и оставило неизгладимый след: гидростанции, заставляющие упрямые реки служить людям, новые города на уступах гор, новые каналы в Голодной степи... И совершенно новый, не присущий старому Востоку, пульс жизни — быстрый, четкий, наполненный.

Из каждой поездки я привозила множество фотографий. Сейчас они лежат неразобранной грудой на столе. Я смотрю на них и не знаю: на какой остановиться? На той, где запечатлен серпантин горной дороги, ведущей в молодой город свинца — Алмалык, забравшийся в горы, на высоту 1 500 метров над уровнем моря? Или на той фотографии, где на берегу бушующего моря, навеки поглотившего караванную тропу, задумчиво стоит верблюд? Много веков ходили привычной тропой караваны. Но водохранилище Кайрак-Кумской ГЭС, появившееся в прошлом году волею строителей у подножия Кураминского хребта, стерло ее с лица земли. А может быть, взять фотографию, на которой отображены дома нового Ангрена — города угольщиков? Этот город еще более молод, чем Алмалык, — ему нет и двух лет, но и здесь налицо все признаки современного индустриального градостроительства.

С волнением перебираю фотографии. Что же явилось условием, позволившим узбекскому народу превратить свою в прошлом нищую, отсталую страну в экономически мощную? И тут мой взгляд падает на пачку маленьких фотографий, сложенных вместе и перевязанных ниточкой. В них — хроника семьи Захидовых, история жизни одного поколения, сумевшего от кетменя и паранджи сразу шагнуть в мир большой науки, техники и культуры. И ответ пришел сам собой: ленинская национальная политика Коммунистической партии — вот то условие, которое дало возможность узбекскому народу проявить свою неиссякаемую энергию, силу своего разума и овладеть богатствами своего края.

ЗНАКОМСТВО с Захидовыми возникло случайно и неожиданно. Несколько раз приходилось мне слышать эту фамилию, бывая в различных учреждениях Ташкента; но, считая ее такой же распространенной, как у нас в России, скажем, Иванов, мне и в голову не приходило связывать эти фамилии в единое целое. И вот когда в Институте водных проблем невысокий черноглазый и очень улыбчивый человек, протягивая руку, представился: заместитель директора Абдуллахад Захидов, — имя и фамилия его сперва скользнули мимо, но затем, после интересной беседы о новых методах орошения Голодной степи, о широких научных планах ирригации, я сказала, прощаясь, в порядке вежливости: «Как много в Ташкенте Захидовых» — и получила ответ:

— Да, у нас большая семья...

Узбеки — скромный народ. Нелегко было уговорить Абдуллахада Вахидовича организовать семейную встречу.

— Зачем? — отказывался он. — Таких семей, как наша, в Узбекистане много.

Но вот мы поехали с ним в кишлак Катартал. Мой спутник, оживленно рассказывавший о том, как изменился Ташкент, вдруг замолчал, пригнулся к окошечку и схватил меня за руку:

— Смотрите! Видите в саду здание? Это — детский интернат, где я рос с братьями... Здесь я окончил десятилетку, отсюда пошел учиться в институт...

Кишлак закончился абрикосовой рощей. За ней виднелись огороды. По ним шагали мачты высоковольтных передач. Оставив машину, мы пошли вдоль арыка. Журча тихую песенку, он привел нас к отдаленному глинобитному домику. Абдуллахад Вахидович обогнал меня. Может быть, ему хотелось одному переступить через порог родного дома? Калитка глиняного дувала отворилась с легким скрипом. Когда я подошла, Захидов вытирал лицо платком.

— Жарко, — сказал он, отводя глаза в сторону.

Пусто было во дворе, пусто и тихо в доме. Сандал, за которым когда-то вся семья в зимние дни грела ноги, сандал, за которым старший брат, первый ученый в семье, писал свою диссертацию, не источал тепла. Пусты были и токчи — стенные ниши, где мать хранила посуду. Весенний ветер залетал в ошхону — полуоткрытую кухню, где узбекские хозяйки и летом, и зимой готовят пищу...

— Старый дом! — с грустью сказал Абдуллахад. — Старая жизнь. Хорошо, что это только прошлое.

Он бережно припер калитку и, оглянувшись на персиковое дерево, зашагал к машине.

Может быть, поездка в Катартал оказала влияние на Абдуллахада Захидова, — так или иначе, но в одно из воскресений раздался звонок:

— Старший брат ожидает вас сегодня, — сказали мне. И двери частной жизни Захидовых гостеприимно раскрылись.

КИСЛОВОДСКАЯ улица в Ташкенте — улица индивидуальных застройщиков. И хотя она находится в «старом городе», но бросает ему дерзкий вызов. Здесь все не похоже на старое, все наперекор корану, обязывающему правоверных отгораживаться от внешнего мира. Легкие резные ограды открывают глазу прохожего цветочные клумбы и террасы. Высокие крылечки спускаются к тротуару. Широкие окна смотрят на улицу без всякого стеснения, не прячась за высокой стеной глиняных дувалов.

Кисловодская улица перечерчена «линиями». На четвертой из них, в доме 17, живет старший брат Захидовых — Абдулла Вахидович.

Новый дом не был ничем похож на старый. В нем четыре комнаты, обставленные европейской мебелью. Есть в нем и детская комната, ванная, благоустроенная кухня с холодильником...

Но еще разительней изменения в людях. Дело не в том, что изменились их внешний облик, одежда, что каждый из братьев Захидовых владеет иностранным языком, дружит с книгами Ромен Роллана, Диккенса и Ремарка, Толстого и Шолохова... В корне изменилось отношение к женщине, к детям. Это подтверждало множество мелких, но весьма характерных деталей.

...В центре праздничного стола сидит хозяйка дома. На круглом блюде — золотистая горка плова. В хрустальных рюмках алое терпкое вино. Легким движением десертного ножа Фаттах очищает грушу и передает ее своей молодой жене.

— Наша Атлас — переводчица английского языка, — указывая глазами на молодую пару, шепчет хозяин. — А жена брата Абдуллахада — врач. Моя супруга — педагог. У нее эта профессия в роду, моя теща — народная учительница. Она — первая узбечка, обучавшая узбекских девочек грамоте. Да, да, ходила в парандже, и школьницы тоже...

Тихо и доверительно ведется беседа о том, как росли братья и сестры, как помогало им государство встать на ноги, приобрести образование. Стипендии, бесплатное обучение, содержание младших детей в интернатах...

Путь братьев и сестер Захидовых был обычным путем советской интеллигенции. Прежде чем получить ученые степени, они прошли производственную школу на фабриках и заводах своей республики, познали на практике мудрость труда.

— Я не один о них печалился, — в раздумье говорит Абдулла Вахидович. — О них думали и комсомол, и партия. А вот для этих жизнь откроется еще ярче, — добавляет он, глядя через раскрытую дверь на залитый солнцем двор. Следуя за его взглядом, вижу — во дворе играют дети: четырехлетний Энвар, шестилетняя Хасиба.

— Ну, разве признал бы старый дехканин Вахид Захидов в этих резвых, нарядных городских детях своих родных внуков? — говорит старший брат.

А Саттар, самый молодой из братьев, спрашивает:

— Но разве не замечательно, что человек идет вперед так быстро, что, оглянувшись, уже не видит места, с которого начал свой путь?

И мы, дружно чокнувшись, выпили алый сок винограда за социализм, который каждый советский человек познал на практике, за социализм, в который он верит всей душой и будет защищать от любых врагов.

ПЛЕНУМ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ КИРГИЗИИ

НА ДНЯХ в гор. Фрунзе состоялся пленум правления Союза писателей Киргизии. С докладом о подготовке к декаде киргизской литературы и искусства в Москве выступил председатель правления Союза писателей А. Салиев.

Докладчик и участники пленума отметили, что подготовка к декаде развернута еще неудовлетворительно. Поступает мало новых произведений на современные темы. Киргизские литераторы старшего поколения сдают для декадных изданий преимущественно книги прошлых лет. Много лучшего оставляет желать качество не только некоторых художественных переводов, но даже подстрочников. Особенно плохо с переводом крупных прозаических произведений.

На пленуме говорилось о нетребовательности работников аппарата правления Союза писателей СССР, недостаточно заботливо отбирающих людей, посылаемых в республику для помощи местной писательской организации. С «творческой командировкой» из Москвы в гор. Фрунзе прибыл, например, Л. Рогачевский, который получил в местных издательствах авансы, а работает очень неквалифицированно.

Вопросам переводческой работы посвятили свои выступления С. Фиксин, Д. Самаганов, А. Сальников, Н. Удалов и другие. Они критиковали руководителей Союза писателей Киргизии, невнимательно относящихся к подбору переводчиков, в результате чего некоторые киргизские писатели предстают перед русским читателем в неузнаваемо искаженном виде.

Главный режиссер Киргизского драматического театра Ф. Лещенко говорил о том, что театр не имеет ни одного готового спектакля для включения в декадный репертуар. Главная причина этого — художественная незавершенность пьес местных драматургов.

Т. Абдумомунов справедливо упрекнул коллектив Русского драматического театра за плохой контакт с местными драматургами. В репертуаре театра нет ни одной пьесы, рассказывающей о жизни киргизского народа.

На пленуме выступили также композитор А. Малдыбаев, главный режиссер Киргизского театра оперы и балета В. Шахрай, художественный руководитель Киргизской филармонии А. Лелюш, заместитель министра культуры Киргизской ССР Т. Тургумбаева.

Пленум наметил конкретные меры для дальнейшего оживления творческой работы в Союзе писателей Киргизии и устранения недостатков в подготовке к предстоящей декаде.

В работе пленума приняли участие секретарь ЦК КП Киргизии М. Абдыкулов и заместитель председателя Совета Министров Киргизской ССР К. Кондучалова.

г. ФРУНЗЕ. (Наш корр.)

Литературная молодежь Молдавии

НА ДНЯХ состоялось республиканское совещание молодых писателей Молдавии. Доклад на тему «Литература и жизнь» сделал председатель правления Союза писателей Молдавии Ем. Буков, содоклады: о детской литературе — П. Савка, о молодом поколении русских поэтов Молдавии — К. Ковальджи.

Впервые в решении литературных вопросов принимали участие молодые гагаузские писатели — представители небольшой, живущей в Молдавии народности, получившей в нынешнем году письменность.

Семь лет отделяют настоящее республиканское совещание молодых писателей от предыдущего. За эти годы в поэтической рубрике появились новые имена, десятки молодых поэтов и прозаиков издали свои книги, вышли коллективные сборники начинающих авторов на молдавском и русском языках.

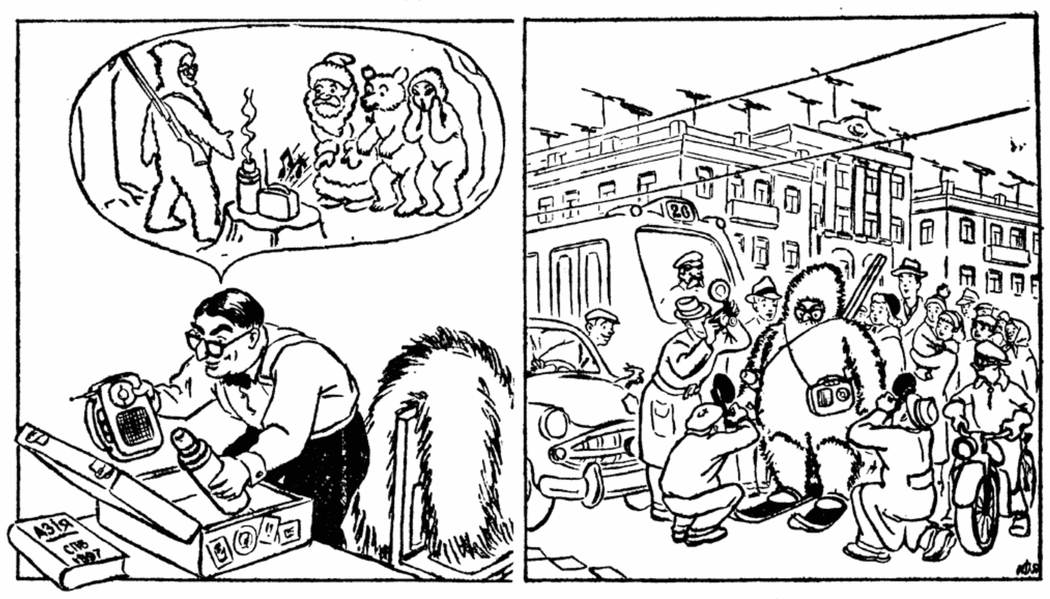
Поэт Андрей Лупан в своем выступлении призвал молодых смелее вторгаться в гущу жизни, преодолевать книжность и литературщину, не гоняться за мнимой оригинальностью. Иной литератор, не найдя настоящего цветка, растит зловонный бурьян — лишь бы привлечь к себе внимание: вот какой я оригинальный!

Участники совещания Б. Крапчан, В. Рошка, Л. Дамиан, А. Бусуйок, Г. Маларчук, В. Гажа, А. Фридман, П. Пархомовский и другие говорили о нуждах начинающих писателей, о необходимости серьезно заниматься не только прозой и поэзией, но и драматургией и критикой молодых. Особенно остро стоял вопрос о кадрах переводчиков. Было высказано немало критических замечаний и в адрес Союза писателей Молдавии. Серьезно критиковали участники совещания Госиздат Молдавии: неоправданно долго задерживаются в портфелях издательства коллективные сборники начинающих авторов.

В работе совещания приняло участие более 200 литераторов. На совещании работали семинары поэзии, прозы, драматургии, критики на молдавском, русском, гагаузском языках. Были рекомендованы к печати новые книги.

КИШИНЕВ. (Наш корр.).

О ТОМ, КАК ОДИН ИНОСТРАННЫЙ ТУРИСТ...



решил удивить сибиряков ...и действительно удивил! Худ. И. Фридман.

Разговор о многоуважаемом шкафе

Леонид ЛУБАН

РЕЧЬ пойдет на тему, ставшую животрепещущей для многих. Сама актуальность ее — примечательное явление времени.

Прежде чем начать этот разговор, следует вспомнить о Юго-западе и Новых Черемушках — огромных новых жилищных массивах, продолжающих сказочно расти на одной из московских окраин. Там, где сотни тысяч москвичей сегодня живут в благоустроенных квартирах, четыре года назад зияли поросшие орешником глубокие овраги, в убогих двориках гнездились ветхие деревянные домишки.

В эти же годы за каждой московской заставой поднялись и продолжают подниматься бесчисленные громады жилых корпусов. Раздвигаются границы новой Москвы, как и других советских городов. Оживают окраинные пустыри. Строители, неузнаваемо изменяющие лицо городов, решают великую задачу, поставленную нашей партией: каждой семье — отдельную квартиру.

Советский человек привык к громадью наших планов и их свершений. Удивить его трудно. Но размах и темпы жилищного строительства поражают и восхищают каждого. В пятой пятилетке новоселы заселили 154 миллиона квадратных метров жилой площади. Напомним, что весь городской жилищный фонд Российской империи в 1913 году составлял 180 миллионов квадратных метров, а в шестой пятилетке наше государство введет в строй 320 миллионов квадратных метров жилищ. К ним добавятся и тысячи домов, построенных по инициативе горьковчан методами народной стройки.

Как эти факты не сопоставить с недавним сообщением «Нью-Йорк геральд трибюн», что полтора миллиона нью-йоркцев обитают в перенаселенных трущобах! «Вряд ли самые ужасные трущобы в городе, занимающие около 5 000 акров, могут быть полностью уничтожены и вряд ли на их месте могут быть построены в ближайшее время новые здания, — сообщает газета. — Жадные до прибыли спекулянты... расширяют трущобы, квартал за кварталом».

У них расширяются трущобы, у нас — великолепные, благоустроенные кварталы.

НЕДАВНО я побывал в конторе домоуправления одного из шестисот московских домов, которые заселяются в этом году. Семьсот квартир девяти его этажей принимают более 3 500 человек — население маленького городка. На долю его «мэра» — скромного управдома, торжественно вручавшего новым жильцам ключи, выпали благодарные улыбки, горячие рукопожатия, сердечные приглашения на новоселье.

Хороши новые квартиры! Перешагнув их порог, новоселы сразу же начинают прикидывать, как лучше устроиться на новом месте, где и какую поставить мебель. Я слышал горячие семейные споры — купить ли гарнитур или ограничиться тахтой, приобрести бюро или письменный стол, куда поставить сервант, как вместить в угол торшер, где разместить книжные полки. Эскизы будущего оформления комнат отвечали вкусам и возможностям их обитателей.

Но, увы, как правило, они оказываются в полном несоответствии с ассортиментом мебельных магазинов. Новоселы встречают в них неубывающие очереди, толчею, ажиотаж вокруг имеющих широкий спрос изделий, весьма ограниченный выбор продукции. Большинство новоселов заранее готовится к переезду, копит деньги, стремится сразу же обставить квартиру новой, одностильной мебелью. Из старых вещей берут только самое лучшее.

Мастер одного из московских заводов Игорь Петрович Моисеев третий месяц живет в новой двухкомнатной квартире. Но мебели в ней мало.

— Покупать, что попадется, не хочется, — рассказывает Игорь Петрович, — а подходящее подобрать трудно.

— Вы только взгляните, как приходится обставляться, — как бы продолжая его мысль, показывает слесарь Николай Павлович Фендриков, — стулья купил одного цвета, шкаф — другого, буфет — третьего, и все разного фасона...

С горечью говорят новоселы о плохом качестве мебели, ее непривлекательном внешнем виде, но больше всего — о недостатке ее в магазинах.

— Продано!

— Фонды исчерпаны!

— Наведайтесь в будущем месяце.

Эти огорчительные ответы часто слышатся в мебельных магазинах Москвы и Киева, Ташкента и Тулы, Мурманска и Сухуми, Омска и Сталинграда.

Почему же так трудно стало приобрести шкаф, стол, даже простой стул?

ЖИЛИЩНОЕ строительство и мебельная промышленность — два взаимосвязанных участка народного хозяйства. Темпы их развития должны совпадать. Между тем крутой разворот строительства жилищ, его небывалые темпы еще слабо отразились на работе мебельщиков.

В плане шестой пятилетки предусмотрен рост производства мебели на 211 процентов, что примерно соответствует темпам роста жилищного строительства. Но мебельщики с первых же месяцев новой пятилетки резко отстают от плановых заданий. Этот тревожный разрыв продолжает увеличиваться, хотя большинство мебельных предприятий по отчетам выполняет планы.

Разгадка этих кажущихся противоречий несложна.

Даже в то время, когда размах жилищного строительства еще не был таким широким, раздробленная, полукустарная, технически отсталая мебельная промышленность не могла уже удовлетворять небывало быстро растущий спрос населения. Напрашивался вывод о необходимости создания мощной мебельной индустрии. Правительство приняло широкую и всеобъемлющую программу строительства крупных мебельных комбинатов и коренной реконструкции действующих предприятий. Но намеченные мероприятия мебельщики не сумели реализовать.

Шестой год строится под Москвой мебельно-сборочный комбинат. Он должен удвоить выпуск жесткой мебели в столице. По плану комбинат в 1956 году значился уже работающим на полную мощность. Однако близится 1958 год, но даже стула для начальника строительства комбинат не собрал, и неизвестно, когда сможет собрать.

В план прошлого года включена и продукция Ташкентского мебельного комбината. Между тем после шести лет строительства, затрат нескольких миллионов рублей его переоборудуют для производства... электроустановочной арматуры.

Еще далеко от завершения и строительство крупных мебельных предприятий в Хабаровске, Свердловске, Майкопе (вторая очередь), Кемерове, Литве, Нижнем Тагиле, Омске, Усть-Каменогорске, которые должны были обеспечивать выполнение пятилетнего плана. Естественно, это обязывало мебельщиков максимально использовать резервы действующих предприятий, всеми средствами форсировать выпуск на них мебели. Но из нескольких тысяч мебельных фабрик можно назвать только десятки, действительно перестроивших производство, резко увеличивших выпуск мебели. А в целом же «на мебельном фронте — без перемен»...

Даже в Москве есть еще предприятия (например фабрика № 10), где две трети рабочих заняты ручным трудом. Здесь «допотопные» прессовое хозяйство, сушильное отделение, отделочные и другие работы.

— А эта фабрика по сравнению с многими другими совсем неплоха, — сказал нам заместитель министра бумажной и деревообрабатывающей промышленности РСФСР Л. Мясников. — У нее есть современные станки по механической обработке древесины, она специализирована. А ведь 80 процентов станочного парка мебельных предприятий республики не имеют автоматической подачи, почти все работы выполняются вручную.

В таких условиях, казалось бы, нужна особая четкость в планировании, чтобы до дна использовать все производственные возможности предприятий. Ведь та же фабрика № 10, когда совнархоз специализировал ее на выпуске письменных столов и дал твердое задание, почти вдвое увеличила выпуск продукции.

Однако планирование в мебельной промышленности так построено, что дает возможность предприятиям выполнять плановые задания, снижая количество выпускаемой мебели. Дело в том, что фабрики получают план выпуска валовой продукции в рублях. Те руководители, которым собственное спокойствие дороже государственных интересов, широко пользуются открытой лазейкой. Рубли есть, а мебели нет!

Завод имени Халтурина и пять других мебельных предприятий Ленинграда в этом году систематически перевыполняют планы. Но вместо мебели они полностью «переключились» на выпуск... футляров для телевизоров и подставок для швейных машин.

А привело это к весьма печальным результатам. Органы Государственного контроля установили, что «Ленмебельторг» получил в этом году для продажи на 13 тысяч обеденных и кухонных столов, на 10 тысяч шкафов, 66 тысяч стульев, 3 тысячи буфетов, 2 тысячи трельяжей, 1 000 спальных гарнитуров меньше, чем в прошлом году! К этому можно лишь добавить, что в Ленинграде за 10 месяцев 1957 года сдано почти на сто тысяч квадратных метров жилья больше, чем за тот же период прошлого года.

Пятнадцать мебельных предприятий Российской Федерации вместо мебели изготовляют «сторонние заказы» на солидную сумму в 350 млн. рублей. Сообщают о таких фактах и из Белоруссии, Латвии, Армении... Кстати, вся эта продукция засчитывается как мебель!

Любители спокойной жизни в последнее время резко сокращают выпуск табуреток, стульев, детской мебели, вешалок, ширм и других недорогих ходовых изделий, стремясь выпускать побольше «рентабельной», дорогой, громоздкой продукции, обеспечивающей легкое выполнение финансового плана.

Есть еще одно обстоятельство, привлекающее хозяйственников к приему заказов «со стороны», — они обеспечиваются сырьем. А мебельное производство находится на «голодном пайке».

Обязательного трехмесячного запаса пиломатериалов и фанеры предприятия не имеют. Приходится пускать лес «с колес» непосредственно в производство. Даже на крупных фабриках, находящихся в ведении совнархозов, мебель вырабатывается из непросушенного, неподготовленного материала третьего, четвертого и даже пятого сортов. Идут в дело и доски, предназначенные для настила полов. Какое уж тут может быть качество!

Предприятия местной промышленности, переданные в распоряжение областных и городских Советов, снабжаются еще хуже. Ростовские фабрики за 7 месяцев получили... 5 процентов необходимого им леса. Они работают на отходах, пытаясь «выкраивать» из них мебельные изделия. У них нет ни средств, ни оборудования, ни квалифицированных кадров.

Между тем опыт Московского городского совнархоза указывает верные пути подъема мебельной промышленности. Не только крупные, но и мелкие мебельные фабрики объединены одним управлением. Совет народного хозяйства при помощи машиностроительных, химических, текстильных предприятий Москвы успешно индустриализирует производство мебели. Каждой фабрике дан четкий производственный профиль. Совнархоз укрепил предприятия квалифицированными кадрами, выделил им оборудование, пересматривает технологию, налаживает снабжение, устанавливает четкое кооперирование, несколько фабрик оборудуется установками для переработки и использования отходов, которые раньше шли на топку. Особое внимание уделяется рационализаторским предложениям. Результаты не замедлили сказаться: с каждым месяцем городские предприятия Москвы увеличивают выпуск мебели.

Так же умело и энергично организовали изготовление мебели совнархозы Латвии, Московской, Архангельской, Вологодской областей. Но это лишь часть и, к сожалению, небольшая часть мебельной промышленности страны.

Догнать по темпам жилищное строительство — нелегкая задача для мебельной промышленности. Но решить ее надо во что бы то ни стало и как можно скорей. И думается нам, что отдел лесной, бумажной и деревообрабатывающей промышленности Госплана СССР и его начальник В. Галасьев, координирующие производство мебели в стране, многое могут сделать для решения этой большой народнохозяйственной задачи.

НЕДАВНО в мебельном магазине на Ломоносовском проспекте в Москве я увидел прекрасные, сверкающие полировкой трехстворчатые зеркальные шкафы. Вокруг них стояло множество покупателей, с грустью останавливая взоры на стандартной табличке — «Продано». Вспомнился чеховский Гаев. Обращаясь в «Вишневом саде» с известным монологом к «дорогому, многоуважаемому шкафу», он как бы услышал его «молчаливый призыв к плодотворной работе»...

Пусть же услышат его и мебельщики!

МОЙ ТРУД

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

нические предложения, направленные на возрождение и дальнейшее развитие отечественного турбостроения.

Это был документ большой патриотической силы. Каждый, кто знакомился с ним, мог видеть, что трудящийся человек, вырастая в условиях социализма, не только поднимается нашим обществом к сознательной политической жизни, к высотам технического творчества, но и наделяется огромной духовной силой. Только наши рабочие поколения способны были, едва просалютовав великой Победе, так развернуть для труда свои силы.

В тот послевоенный год, когда коллектив с подъемом взялся за постройку крупнейшей в мире паровой турбины мощностью в 100 тысяч киловатт, все фрезерные работы по машине снова пришлось выполнять мне одному. В свои сорок лет я чувствовал себя молодым: и сил, и внимания, и старательности хватало с избытком. Иной раз всего какую-нибудь лысочку надо сделать, а деталь берешь, как дорогую личную собственность, с полным пониманием труда и ценности, вложенных в нее другими рабочими руками.

Так же трудились и мои товарищи в гидротурбинном цехе. О их творческой энергии и технической зрелости могут, наверно, хорошо судить и представители американской фирмы «Ньюпорт-Ньюс». Как раз эта фирма рассчитывала тогда получить от Советского Союза заказы на изготовление всех турбин для разрушенного войной Днепрогэса. А следует пояснить, что в свое время на Днепровской станции были поставлены американские турбины, ибо в те годы, когда планировался Днепрогэс, отечественные строители водяных турбин, уже имея своего первенца мощностью в 370 киловатт для Окуловской бумажной фабрики, что под станцией Бологое, еще только набирались сил, поднимались на ноги. Но вот теперь, узнав о намерениях знаменитой фирмы, инженеры и рабочие завода предложили правительству встречный план: поставить на Днепре советские турбины. Очень памятны мне рабочие собрания, на которых гордо говорилось о том, что вот, закончив кровопролитнейшую войну против немецкого фашизма, мы чувствуем себя в силах решать такую задачу.

Правительство поручило нашему заводу построить шесть турбин для Днепра, фирме «Ньюпорт-Ньюс» был сделан заказ на три машины. По мощности и коэффициенту полезного действия советские турбины превзошли американские.

К сказанному можно только добавить, что в этой работе, как и в сооружении паровой турбины мощностью в 100 тысяч киловатт, участвовало много моих сверстников. Но достигнутое нами не было, конечно, пределом.

НЕ ТАК ДАВНО на общем собрании рабочих мне вручили скромный инструмент, которым я теперь завершаю работу над каждой своей деталью. Инструмент называется личное клеймо. У него есть порядковый номер. Так, на металле, обработанном мною, остается ясный, хорошо заметный знак: «I л». Это означает, что за точность, прочность, красоту детали, за ее безотказную работу в большой машине, которая позволяет вырабатывать электрический ток для советских людей, несу ответственность я, фрезеровщик Бородулин.

Я вспомнил того старого рабочего, который когда-то сдавал свою продукцию мастеру под честное слово. Он был в цехе один, и некоторые товарищи из отдела технического контроля видели в нем нарушителя порядка. Теперь личное клеймо — знак неограниченного доверия нашему мастерству, свидетельство высокой сознательности рабочего — было вручено еще девяти моим товарищам. Мы держим ответ за порученное дело одной чистой рабочей совестью, а нет других, более строгих и справедливых судей, чем эта, — вот в чем великая сила нашего рабоче-крестьянского строя.

Иной раз подумаю, какими дорогими миллионами ворочает рабочий человек! Поглядите, например, на молодого фрезеровщика Ивана Замуравкина, когда он с помощью подъемника укладывает на свой станок восемнадцатитонную лопасть рабочего колеса турбины. Цена этой лопасти — сотни тысяч рублей. А отечественный станок, которым он управляет, — уникальный, оснащен чуткими и сложными электронными приборами. Лопасть колеса, понятно, изготовлена с допусками, Замуравкин на своем мудром станке выкраивает из нее уже законченную деталь чрезвычайно сложного профиля. Разве мог он, рядовой металлист, окончив школу рабочей молодежи, не пойти учиться дальше, на вечернее отделение Политехнического института, что также при заводе? Глядя на этого худощавого парня в темном берете за пультом, освещенным сигнальными огнями, на отлитые в сталь миллионы, которые он принял из одних рабочих рук, чтобы завершить теперь замысел инженеров и поставить эти миллионы на прямые нужды народного хозяйства, я с волнением думаю о том, как благотворно отражается хотя бы вот на одной этой судьбе использование прав и обязанностей гражданина, записанных в нашей Конституции. И о том еще, в каких больших, государственных людей вырастут приходящие нам на смену молодые рабочие, которым тоже ведь будет вручен этот небольшой инструмент — личное клеймо. Жизнь развивается именно в этом направлении!

Полтора месяца назад к нам на завод пришла радостная телеграмма о том, что на Куйбышевской ГЭС «двадцатый агрегат включен и дает промышленный ток. Все турбины работают хорошо». Сейчас полным ходом идет сборка турбин для Сталинградской ГЭС. Ко Дню Конституции конструкторы сдают чертежи агрегатов мощностью в 200 и 300 тысяч киловатт, которые примут на себя могучие воды Ангары и Енисея. Я знаю: один киловатт-час позволяет выпустить сорок килограммов сахара, или выплавить пятьдесят килограммов стали, или сделать две пары ботинок, или добыть семьдесят пять килограммов угля, или выткать десять метров ткани. Я подсчитываю те миллионы и миллионы киловатт-часов, которые дают турбины, построенные на нашем заводе за годы Советской власти, и плюсую их с цифрами, которые станут явью, когда войдут в строй наши новые энергетические гиганты. Я уверен — турбины будут работать хорошо. Как же мне не испытывать гордость и счастье, если и мой скромный труд вливается в труд моей республики!

Хорошо, правильно сказал в том разговоре с американским дельцом рабочий: наши люди, конечно, несравнимо богаче!

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

Как уже сообщалось в «Литературной газете», секретариат правления Союза писателей СССР и бюро Оргкомитета Союза писателей РСФСР рассмотрели первые итоги работы ряда печатных органов Союза писателей СССР в свете партийного документа «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа». Ниже публикуется отчет об этом заседании.

Обсуждение работы печатных органов Союза писателей СССР

ВЫСТУПЛЕНИЯ Н. С. Хрущева по вопросам литературы и искусства были восприняты советской общественностью как важнейший программный документ, осветивший на много лет вперед коренные и принципиальные вопросы творчества, связи советских художников с современной действительностью. Этот документ является принципиальной основой всей нынешней деятельности нашей литературной печати.

Рассказывая о конкретных мерах, предпринимаемых редколлегией журнала «Октябрь» для того, чтобы помочь своему авторскому активу в приближении к жизни, **Ф. Панферов** обращает внимание, в частности, на задачу преодоления отставания нашей литературной критики.

— Очень отрадно, — замечает он, — что большинство критиков, с которыми мы беседовали, изъявило искреннее желание поездить по стране, увидеть собственными глазами многое из того, о чем они привыкли писать в своих литературно-критических статьях. Это будет полезно и для самих литераторов, и для литературы. Помогая нашим писателям в изучении действительности, нужно особое внимание обратить на жанр очерка, на публицистику. Если литератор по-настоящему углубится в жизнь, почувствует всю ее правду, от него можно будет ждать полноценных художественных произведений.

— Журнал «Звезда», — сказал **Г. Холопов**, — работая с авторами, уделяет сейчас первостепенное внимание темам, освещающим жизнь советских тружеников, темам рабочего класса, борьбы колхозного крестьянства за крутой подъем сельского хозяйства. В этом плане формируется и редакционный портфель ближайших номеров журнала.

Г. Корабельников («Дружба народов») говорит о необходимости пересмотреть сложившуюся практику руководства печатными органами, ту практику, когда в отдельных журналах члены редколлегии превращаются просто-напросто в «читчиков» гранок. Нужна редакционная коллегия, которая действительно осуществляла бы коллективное руководство печатным органом, планировала его развитие, направление, его перспективы.

Недавно организован широкий редакционный совет в «Дружбе народов», куда войдут представители от литераторов братских республик. Это пример настоящей помощи журналу в деле улучшения его работы, в деле выполнения им задач, вытекающих из выступлений Н. С. Хрущева. Журнал «Дружба народов» будет стремиться возродить горьковские традиции помощи нашим национальным литературам со стороны виднейших советских художников.

О работе, проделанной за последнее время журналом «Знамя», о широких планах редакции, направленных на дальнейшую активизацию всех журнальных отделов, сообщил **Б. Сучков.**

— В своей практике журнал и впредь, — заявил он, — будет исходить из единственно правильного и необходимого принципа объединения вокруг журнала творческих сил, стоящих на партийной позиции. В этом отношении мы будем проводить самую широкую программу и реализовать ее как можно шире.

На задачах «Литературной газеты» остановился в своем выступлении **В. Друзин.**

Делясь впечатлениями о работе литературной печати, **К. Зелинский** называет ряд важных проблем, которые еще ждут своего разрешения. Нужны работы, не только освещающие наши достижения и революционные преобразования, но и философски обобщающие их.

Б. Соловьев выступает с критикой в адрес журнала «Вопросы литературы», который мало занимается острыми проблемами современности. Хочется отметить, — сказал он, — некоторые наиболее значительные литературно-критические материалы, появившиеся в журнале «Знамя»: статьи Е. Книпович, А. Коваленкова, Ю. Зубкова и некоторые другие. Б. Соловьев, как и ряд других участников заседания, говорит о тревожащем происшествии в издательстве «Советский писатель», работники которого умудрились подготовить к печати «нигилистический», чуждый духу современности сборник критических статей В. Огнева.

Л. Соболев горячо приветствует практику работы с авторским активом в журнале «Октябрь».

— Нашим критикам, — говорит он далее, — надо тщательно разобраться, философски осмыслить природу советского оптимизма, которым проникнуто все современное советское искусство, проблему положительного героя в нашей литературе. В творческой практике следует четко провести разграничение между так называемой «лакировкой действительности» и романтическим изображением действительности.

Задачам дальнейшего развертывания борьбы с влиянием буржуазной идеологии, с ревизионистскими тенденциями, вопросам интернационального значения нашей советской литературы и в связи с этим роли литературной печати, стоящей на передовой линии идеологической борьбы, посвятили свои выступления **М. Поляков** и **Л. Якименко.** О взаимоотношении очерка и других жанров художественной прозы говорила **З. Кедрина.**

— Нам, — сказал **А. Сурков,** — предстоит большая и серьезная коллективная работа по возвращению отдельных запутавшихся товарищей на правильную партийную позицию. За некоторых из них нужно будет бороться прежде всего с ними самими, бороться принципиально, бескомпромиссно.

А. Сурков резко критикует статьи В. Огнева, в искаженном свете представляющие развитие современной поэзии. Касаясь затем творчества ряда поэтов, он останавливается на сборнике стихов Б. Слуцкого «Память», где, по словам А. Суркова, чувствуется натуралистический налет, где автор занял позу некоего учителя жизни, без всякого на то права.

Подробно рассмотрев деятельность литературно-критического отдела журнала «Звезда», **Н. Онуфриев** отмечает его общую боевую целенаправленность, широкий охват литературных явлений. Вместе с тем он подвергает серьезной критике отдельные статьи журнала за их теоретическую «отвлеченность», нечеткость позиции в постановке важных проблем социалистического реализма, за проявляющийся в них порой заушательский тон критики. В качестве примера Н. Онуфриев приводит статьи из отдельных номеров журнала, написанные В. Назаренко, Ю. Юзовским, Б. Яковлевым, В. Днепровым и др.

— Посмотрите, — замечает **Н. Грибачев,** — как изменился советский человек, его духовный мир. От нашей литературы сейчас требуется не только художественное, но и теоретическое осмысление этого замечательного, небывалого в истории явления. Между тем в нашей критике поступательное движение теории очень слабо. Теорию до сих пор мы, литераторы, недооценивали, продолжаем недооценивать ее и сейчас. Говорят об ошибках критика В. Огнева. А ведь он не одинок, есть целая группа таких критиков. Они вытащили старые мыслишки и теоринки декаданса и пытаются приложить их к современному процессу... У нас много талантливой молодежи среди писателей. Нельзя проходить мимо фактов, когда ей, нашей молодежи, кружат голову и справа, и слева, сбивают с толку. Типичный пример этому — судьба молодого поэта Е. Евтушенко... Этим молодым нужно теоретически умное, серьезное обоснование литературных процессов. При этом надо помнить, что настоящая теория рождается в полемике, а не в сухих, скучных рассуждениях. Скучные статьи в наш век просто не читаются!..

Заключая совещание, **В. Смирнов** останавливается на серьезных ошибках, допущенных за последнее время журналами «Театр» и «Москва». Нас тревожит, — говорит он, — деятельность журнала «Вопросы литературы». Это не тот журнал, который мы ждали, который нужен Союзу писателей, — он слишком академичен, далек от современности.

В. Смирнов высказывает общее мнение, сложившееся в ходе обсуждения: ряд печатных органов Союза писателей в последнее время заметно улучшил свою деятельность. Вместе с тем яснее стало, что есть немало вопросов в творческой практике, которые требуют самого пристального внимания и активного вмешательства нашей общественности. И прежде всего здесь речь должна идти о сегодняшнем состоянии литературной критики. Этому вопросу, сообщил В. Смирнов, будет посвящен один из ближайших пленумов правления Союза писателей СССР.

С. Маршак награжден медалью К. Д. Ушинского

Творчество выдающегося советского писателя Самуила Яковлевича Маршака имеет большое воспитательное значение. Его книги для детей пользуются любовью и популярностью среди широкого круга читателей.

Министерство просвещения РСФСР, в связи с 70-летием С. Я. Маршака и отмечая его заслуги в деле воспитания советской молодежи, наградило писателя медалью К. Д. Ушинского. Этой медалью награждаются особо отличившиеся учителя и деятели педагогических наук.

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

ЖИВОЕ ПЛАМЯ

Евгений НОСОВ

РАССКАЗ

Автор публикуемого рассказа живет в Курске. Он участник недавно проходившего в Ленинграде Всероссийского семинара молодых прозаиков. За свои тридцать с небольшим лет он прошел большую жизненную школу — воевал, был тяжело ранен, учился, много ездил по стране, освоил новую для него, художника, профессию журналиста. Рассказы Е. Носова, получившие на семинаре высокую оценку, привлекают своей поэтичностью, зоркостью, теплотой и искренностью любви к родной земле и ее людям.

ТЕТЯ Оля заглянула в мою комнату и, повысив голос, повелительно сказала:

— Будет писать-то! Пойди проветрись, клумбу помоги разделать.

Она достала из чулана берестяной короб. Пока я с удовольствием разминал спину, взбивая граблями влажную землю, тетя Оля, присев на завалинку и высыпав себе на колени пакетики и узелки с цветочными семенами, разложила их по сортам.

— Ольга Петровна, а маки? — замечаю я.

— Ну, какой из мака цвет! — убежденно ответила она. — Это овощ. Его на грядках вместе с луком и огурцами сеют.

— Что вы! Еще в какой-то старинной песенке поется: а лоб у нее, точно мрамор, бел, а щеки горят, будто маков цвет.

— Цветом он всего два дня бывает, — упорствовала Ольга Петровна. — Для клумбы это никак не подходит: пыхнул и сразу сгорел. А потом все лето торчит эта самая колотушка, только вид портит...

Я все-таки сыпнул тайком щепотку мака на самую середину клумбы. Через несколько дней она зазеленела.

— Ты маков насеял? — подступилась ко мне тетя Оля. — Ах, озорник ты этакий! Так уж и быть, тройку оставила, тебя пожалела. А остальные все выполола.

Я уехал по делам и вернулся только через две недели. После жаркой утомительной дороги было приятно войти в тихий старенький домик тети Оли. От свежевымытого пола тянуло прохладой. Разросшийся под окном жасминовый куст роняет на письменный стол кружевную тень.

— Кваску налить? — предложила она, сочувственно оглядев меня, потного и усталого. — Алеша очень любил квас. Бывало, сам по бутылкам разливал и запечатывал.

Когда я снимал эту комнатку, Ольга Петровна, подняв глаза на портрет юноши в летной форме, спросила:

— Не мешает?

— Что вы!

— Это мой сын Алексей. И комната была его. Ну, ты располагайся, живи на здоровье.

Подавая мне тяжелую медную кружку с квасом, тетя Оля сказала:

— А маки твои поднялись, уже бутоны выбросили.

Я вышел посмотреть на цветы. Клумба стала неузнаваемой. Ее опоясывала лента маттиол — скромных ночных цветков, привлекающих к себе не яркостью, а нежным горьковато-пряным ароматом. Пестрели куртинки желто-фиолетовых анютиных глазок, раскачивались на тонких ножках пурпурно-бархатные шляпки парижских красавиц. Было много и других знакомых и незнакомых цветов. А в центре клумбы, над всем этим пестрым хороводом цветов и бабочек, поднялись мои маки, выбросив навстречу солнцу три тугих, тяжелых бутона.

Распустились они на другой день.

— Ну, иди, смотри, зацвели.

Издали маки походили на факелы с живыми языками пламени. Легкий ветер чуть колыхал, а солнце пронизывало светом полупрозрачные алые лепестки, отчего маки то вспыхивали трепетно-ярким огнем, то наливались густым багрянцем. Казалось, стоило поднести к ним руку, как тотчас отдернешь ее, опалив пальцы. Маки слепили своей обжигающей яркостью, и рядом с ними померкли, потускнели все эти парижские красавицы, львиные зевы и прочая цветочная аристократия.

Два дня буйно пламенели маки. А на исходе вторых суток вдруг осыпались и погасли. И сразу на пышной клумбе без них стало пусто.

Я поднял с земли еще совсем свежий, в капельках росы лепесток и расправил его на ладони.

— Вот и все! — сказал я громко, с чувством еще не остывшего восхищения.

— Да, сгорел... — вздохнула, словно о живом существе, тетя Оля. — А я как-то раньше без внимания к маку-то этому. Короткая у него жизнь. Зато без оглядки, в полную силу прожита. И у людей так бывает. Иной сер, не виден ни делом, ни мыслями. Живет, как сорная трава, и свет застит, и не своим питается. А бывает человек, что твой мак, светел, и от него другим одна радость. А если доведется умереть, так и жизнь отдает со славой.

Я угадал мысли тети Оли. Она думала о своем сыне Алексее. Он погиб, спикировав на спину тяжелого фашистского бомбардировщика...

ТЕПЕРЬ я живу в другом конце города и изредка заезжаю к тете Оле. Недавно я снова побывал у нее. Мы сидели за летним столиком, пили чай, делились новостями. А рядом на клумбе полыхал большой костер из маков. Одни осыпались, роняя на землю лепестки, точно искры, другие только раскрывали свои огненные языки. Снизу, из влажной, полной жизненной силы земли, подымались все новые и новые туго свернутые бутоны, чтобы поддержать, не дать погаснуть живому огню.

Я смотрел на это, теперь уже неугасимое горение и вспоминал слова тети Оли о людях, рядом с которыми светло и радостно.

КУРСК

Андрей Упит

Приветствие юбиляру

Сердечно поздравляю Вас, Андрей Мартынович, с восьмидесятилетием славной, богатой творчеством жизни. Горячо желаю Вам многих лет здоровья, труда, радости.

СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ
АЛУШТА

Любовь к народу

БОЛЬШОЙ и славный путь за трудовыми плечами Андрея Мартыновича Упита. Много трудностей и препятствий было на этом пути. Но, как и у наших народных поэтов Белоруссии Янки Купалы и Якуба Коласа, у Андрея Упита был верный компас — горячая любовь к трудовому народу, из самой гущи которого он вышел. Это великое чувство вдохновляло писателя на протяжении всех более чем шестидесяти лет благородного творческого труда, оно было животворным источником его выдающегося таланта. Именно эта неугасаемая любовь помогла Андрею Упиту так глубоко, всесторонне показать жизнь своего народа, наполненную событиями огромного исторического значения. Именно ее, эту любовь, ощущаешь всякий раз, когда открываешь страницы его трилогии «Робежниеки», читаешь романы «Земля зеленая», «Просвет в тучах», поражаешься таланту его комедий и драм либо обращаешься к литературоведческим трудам — ко всему, сотворенному им.

Народ отвечает писателю взаимной горячей любовью и глубоким уважением. Разделяя эти глубокие чувства, я склоняю голову перед величием огромного общественного и писательского подвига Андрея Упита. Шлю ему горячие поздравления и пожелания доброго здоровья для осуществления всех его творческих замыслов.

Кондрат КРАПИВА,
народный писатель Белоруссии

Научная конференция, посвященная творчеству А. Упита

Трудящиеся Латвии широко отмечают 80-летие народного писателя Андрея Упита.

3 декабря Академия наук Латвийской ССР, Союз писателей республики и Латвийский университет созвали научную конференцию, посвященную творчеству юбиляра. С докладом «Андрей Упит — классик латышской литературы» выступил директор Института языка и литературы Академии наук Латвии Э. Сокол. Он отметил, что выдающийся писатель более полувека неутомимо трудится в различных жанрах литературы. Он известен как беллетрист, драматург, литературовед, переводчик классиков мировой и русской литературы. А. Упитом написано более тысячи произведений. Его труды последних лет говорят о расцвете творческих сил писателя. Трилогия «Робежниеки», романы «Земля зеленая», «Просвет в тучах» и другие произведения являются гордостью латышского народа.

Кандидат филологических наук К. Краулинь в своем докладе анализировал идейное содержание и художественные особенности новелл А. Упита. С рефератом о методах творческой работы писателя выступил заслуженный деятель культуры Латвийской ССР А. Биркерт.

ЧЕСТВОВАНИЕ ПИСАТЕЛЯ-ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКА

ЛИТЕРАТУРНАЯ общественность Хабаровска отметила пятидесятилетие со дня рождения писателя Андрея Сергеевича Пришвина. Юбилейный вечер кратким вступительным словом открыл Р. Агишев. С докладом о жизни и творчестве А. Пришвина выступил главный редактор журнала «Дальний Восток» Н. Рогаль. Он рассказал о творческой и общественной деятельности автора «Солнечной зимы», «На берегу Зеи» и других книг.

Затем были оглашены многочисленные приветствия, поступившие в адрес юбиляра, в том числе от писателей Москвы, Ленинграда и других городов страны.

В заключение выступил А. Пришвин:

— Вся моя жизнь и мое творчество, — сказал он, — принадлежат народу и родной Коммунистической партии. Служение народу я считаю высшим счастьем для советского писателя.

ХАБАРОВСК. (По телефону)

„НАШ ВТОРНИК"

ОЧЕРЕДНОЙ «вторник» «Литературной газеты», состоявшийся 3 декабря, открыли поэты В. Берестов и В. Солоухин, прочитавшие свои стихи.

Затем о работе и творческих планах киностудии «Союзмультфильм» сообщил ее директор С. Куликов.

— Искусство рисованного фильма — самый молодой вид нашей кинематографии, — сказал он. — Несмотря на это, наша студия за последние годы стала крупнейшей в Европе по выпуску мультипликационных фильмов. Теперь мы ежегодно выпускаем до двадцати рисованных и кукольных фильмов. Коллектив «Союзмультфильма» в основу своих картин, предназначаемых не только для детей, но и для взрослых, кладет произведения русской и мировой литературной классики, народные сказки, социальную и бытовую сатиру, агитационные плакаты, музыкальные комедии.

Режиссер Д. Бабиченко и художник В. Котеночкин познакомили собравшихся с техникой создания рисованных фильмов.

На встрече присутствовали режиссеры О. Ходатаева, А. Иванов, сценарист и художник Л. Позднеев.

В заключение присутствующие с большим интересом просмотрели мультипликационные фильмы.

ХУДОЖНИК, БОРЕЦ

К 80-летию Андрея Упита

«Вы, конечно, человек борьбы, вероятно, таким и родились... Я поражаюсь, как у Вас хватает времени одновременно вести яростную литературную борьбу, следить за всей нашей литературой и оценивать ее, углубляться в психологию и создавать свои большие романы».

Из письма Яна Райниса А. Упиту.

Восемьдесят лет жизни, из которых шестьдесят пять отданы неутомимому литературному труду, — подобные примеры не столь часты в истории мировой литературы.

Творческая биография Андрея Упита не может не поразить любое воображение. Сын безземельного крестьянина-испольщика, выросший в сырой каморке на глухом хуторе, он в пятнадцать лет печатает свои первые произведения — зарисовки окружающего его деревенского мира. В 10—20-е годы нашего века Андрей Упит становится ведущим писателем родной Латвии. На пороге своего семидесятипятилетия общеизвестными романами «Земля зеленая» и «Просвет в тучах» Упит утверждает себя как выдающийся художник Советской страны, как мастер социалистического реализма.

Того, что сделано Андреем Упитом в его родной литературе, поистине не окинешь оком. Двадцать романов, более десятка сборников рассказов, исторические трагедии и одноактные пьесы, басни, лирические стихи, сатиры, четырехтомная «История мировой литературы» (в соавторстве с Р. Эгле) и другие работы по литературоведению, статьи, переводы на латышский язык Горького, Грибоедова, Гоголя, Алексея Толстого, Шекспира, Гейне, Флобера — таков далеко не полный перечень его трудов художника, публициста, критика и переводчика. Весь этот необозримый горный массив воздвигнут умом, сердцем, рукой одного человека, человека, поднявшегося от подножий бытописательства к вершинам социалистического искусства. Огромность дарования удивительная, энергия неистощимая, упорство неизмеримое!

Однако дело не только в мощи личного таланта, энергии и упорстве. Большие художники случайно не появляются. Задатки художественного дарования сказываются и в самых ранних вещах Упита, вдохновленных искренним желанием послужить своим пером становлению родной национальной литературы. И, конечно же, самими условиями происхождения и воспитания были пробуждены в нем интерес и симпатии к жизни народных масс, певцом борьбы которых он затем стал. Но именно **революционная борьба масс сделала его художником эпического размаха,** помогла ему понять требования эпохи к литературе и цель собственного призвания.

В 1908 году вышел его роман «Новые истоки», роман, предвещавший рождение будущего мастера монументальной реалистической прозы. Резкая грань отделяет это произведение от ранних произведений Упита, созданных в духе утешительной, «для народа», литературы. И грань эта определена событиями 1905—1907 годов. По словам Ленина, «во время революции латышский пролетариат и латышская социал-демократия занимали одно из первых, наиболее важных мест в борьбе против самодержавия и всех сил старого строя...». Борьба латышского пролетариата вливалась в русло борьбы общероссийского пролетариата за демократическую республику — творчество Упита порождено именно этой борьбой. Будучи глубоко национальным по характеру, оно рождается как отзвук большой океанской волны общероссийского революционного движения. Так формируется его мировоззрение художника. В эти годы он настойчиво изучает классиков марксизма и открывает для себя русскую литературу как литературу, создатели которой «всегда были и великими художниками, и гражданами своей отчизны, и борцами за свободу, за социальную справедливость».

БЛАГОТВОРНОЕ влияние русской литературы на творческое формирование Упита как писателя неоднократно отмечал он сам. «Они, — писал он о Чехове и Горьком, например, — поддержали меня на выбранном мною пути. Это путь критического реализма, разоблачения буржуазной пошлости, путь, по которому я иду всю жизнь, — путь соратника пролетариата в борьбе за свободу».

Однажды избрав этот путь, художник устремился по нему со свойственным ему наступательным порывом. Годы реакции для него были годами яростной борьбы за демократическую и революционную литературу. Борьбу с декадентскими группами, с литературными ренегатами он сочетает с работой организатора демократических сил в литературе. Одна за другой выходят его книги, и каждая разоблачает капиталистический строй, клеймит его прислужников, разбивает в прах мелкобуржуазные иллюзии. Он становится писателем-политиком, и **политическое начало** в его произведениях становится высоким **поэтическим пафосом.**

В эти годы складывается стиль упитовской прозы, определяется его тяга к произведениям крупного эпического жанра. Наиболее значительными произведениями досоветских лет является цикл «Робежниеки», начатый романом «Новые истоки». История крестьянской семьи, положенная в основу романа, дала писателю возможность нарисовать в первых трех книгах широкую картину народной жизни в конце XIX — начале XX века. Романы этой трилогии раскрывают перед нами одну из особенностей творчества Упита — политическую нацеленность его произведений в сегодняшний день. Действие второго романа — «В шелковой паутине», — написанного в 1912 году, относится к девятисотым годам, но его разоблачительный пафос направлен прямо против того ренегатства, которое породило среди интеллигенции поражение революции 1905 года. А третий роман «Робежниеков» — «Северный ветер», начатый писателем в буржуазной тюрьме, звучит грозным напоминанием о революционных событиях 1905 года в латвийской деревне.

После падения в 1919 году Советской республики в Латвии, в тяжелейшие годы двадцатилетнего буржуазного владычества, Андрей Упит не мог говорить «во весь голос». Но он по-прежнему выступает как непримиримый борец против капитализма, остро разоблачая в романах, продолжающих трилогию «Робежниеки», экономическую и духовную несостоятельность буржуазной Латвии, антинародную сущность правительственных реформ. Он пишет ряд романов и драм на исторические темы, полных освободительного пафоса, выступает с критическими статьями под многозначительным названием «Мотыгой по чертополоху!». В своей художественной манере он по-прежнему остается последовательным реалистом. Все отчетливее зреет мечта — воплотить в действительность свои эстетические принципы, свои представления о монументальной прозе.

Эту мечту Упит осуществляет, когда его родной народ после многолетней борьбы свергает буржуазный строй и становится на путь социализма.

Упит активно участвует в перестройке жизни в республике на новых, социалистических началах, создает в дни войны боевые рассказы, помогающие борьбе латышских патриотов против гитлеровских оккупантов. Многолетний творческий опыт ведущего художника своей страны и боевое революционное направление таланта естественно делают Упита учителем новых поколений латышских писателей. В советские, особенно в послевоенные годы он получает возможность полностью развернуть свои организаторские способности. Его роль собирателя и организатора литературных сил в латышской литературе можно сравнить разве только с ролью Горького в русской литературе. Он возглавляет Союз писателей Латвии, помогая латышским литераторам успешно овладевать методом социалистического реализма.

И прежде всего он дает сам блистательный пример **творческого овладения этим методом.** Ибо одновременно вынашивает и приступает к осуществлению грандиозного художественного замысла — эпического повествования об истоках революционной борьбы рабочего класса. В течение десятилетия создаются романы «Земля зеленая» и «Просвет в тучах», выдвинувшие Андрея Упита на одно из первых мест в советской литературе. Сам писатель так изложил замысел своей эпопеи: «показать людям Советской Латвии, по преимуществу молодому их поколению, из какой исторической почвы мало-помалу выросла ненависть латышского трудового крестьянина и городского рабочего против господствующего класса поработителей — кулаков-капиталистов, и как в конце концов под подневольным гнетом и под растущим влиянием великой социалистической страны вспыхнула революционная борьба латышских рабочих масс, приведшая в 1940 году к своему освобождению и к установлению в Латвии советского строя».

ДЕЙСТВИЕ романов, связанных общими героями, протекает в последней четверти прошлого века. И хотя оно не выходит за пределы страны, оно отражает общие исторические закономерности.

В «Земле зеленой» рассказывается о том, как в латышской деревне рядом с немецким помещиком появляется так называемый «серый барон» — кулак, как под влиянием проникновения капиталистических отношений в деревню происходит быстрое классовое расслоение, резкое обострение классовых противоречий, и деревня становится поставщиком городского пролетариата.

В «Просвете в тучах» повествуется о городском пролетариате, организующемся в класс для себя, о его борьбе, перерастающей из борьбы экономической в борьбу политическую.

В этих романах Андрей Упит предстает перед нами как художник-мыслитель, с высоты настоящего осмысливающий и оценивающий прошлое. Его романы отразили в себе передовой опыт революционной борьбы общероссийского пролетариата, частью которой была борьба латышских рабочих. Неоспоримо, наглядно и художественно полновесно говорит Упит о неизбежности победы рабочего класса.

Романы эти отличаются той монументальностью, какая, по мнению А. Упита-теоретика, является «главенствующим стилем социалистического реализма» и которая обусловлена самим эпическим размахом народной жизни, историей революционной борьбы. В «Земле зеленой» и «Просвете в тучах» широкие картины жизни самых различных слоев общества даны глазами активного участника, борца в революционном стане пролетариата. Рабочий класс — главный герой романа «Просвет в тучах», ибо «историческая правда... требует, чтобы в эпохальной эпопее больший удельный вес занимало художественное изображение жизни и деятельности тех героев, которые стали победителями, творцами новой жизни». Так думает Упит-литературовед, так пишет Упит-художник. С точки зрения этих творцов и победителей даны Упитом истинные оценки всех других социальных пластов общества.

«Монументальный реализм не пренебрегает описанием характера и судьбы отдельного человека, но он связывает его жизнь с судьбой большого коллектива — народа, государства, эпохи, истории...» В «Земле зеленой» и «Просвете в тучах» этот принцип нашел блестящее художественное воплощение. Пластичны, ярки, проникновенны образы Андрея Осиса, его сестры Анны, вчерашнего батрака Калвица и других рабочих, чьи личные судьбы глубоко волнуют. Превосходен исполненный авторской симпатии образ поэта Вейденбаума. Но не менее ярки и убедительны образы вздорного философа Дауге, «подправляющего» Маркса, или слюнявого хлюпика адвоката Апиня, также показанных и в личной жизни, и в общественной деятельности. Обрисовка характеров, краски, которые употребляет писатель в каждом отдельном случае, соответствуют месту, занимаемому данным персонажем в общественной борьбе. К примеру, образ Анны лишен какой-либо романтической приподнятости, он написан в реалистической манере, но с такой силой, что обретает скульптурную монументальность. В Анне есть нечто, роднящее ее с образом матери Горького: она вся — воплощение подымающихся и необоримых сил ее класса. Фигура Апиня обрисована сатирически, но без гротескности, она заставляет вспомнить о сдержанной сатирической манере Л. Толстого. Это сравнение отнюдь не намекает на какую-либо подражательность: в тигле творчества латышского писателя великие достижения литературы прошлого и особенности национального искусства переплавлены в самобытный и неповторимый — «упитовский» — стиль. Особенностями упитовского реализма, в частности, являются непревзойденное умение изобразить идейную борьбу, материалистический, если так можно выразиться, психологизм, то есть строжайшая мотивировка личного поведения героя местом, занимаемым им в обществе, особая скрупулезность описаний, тяжеловатая весомость языка.

По словам самого Упита, «нет и, наверное, никогда не будет создано такое литературное произведение, которое нельзя было бы в чем-либо упрекнуть». Критика упрекала роман «Просвет в тучах» и за некоторый схематизм образа русского революционера Виктора Островского, и за однобокость изображения образа Райниса. Но и при подобных частных недостатках романы А. Упита являются образцом эпической прозы искусства социалистического реализма. Ибо в них с удивительной исторической конкретностью изображена жизнь общества в его революционном развитии, отображена пером художника-мыслителя самая диалектика этого развития. Упитовские романы советского периода — серьезный вклад в сокровищницу советского искусства, образец активной, действенной литературы, воспитывающей читателя в духе коммунистической морали. А все творчество Андрея Упита в целом — ярчайший пример тесной связи писателя с жизнью, убедительное доказательство того, что создание значительных произведений всегда обусловлено активным участием самого создателя в творческой работе действительности...

Представление о большом таланте обычно связано прежде всего с представлением об особом, им созданном мире образов, отмеченных общей печатью их творца. Мы не случайно говорим о мире тургеневских, толстовских, диккенсовских, шолоховских образов. Это понятие — мир художника — основывается прежде всего на особенностях мировоззрения художника, на его идейной позиции, с которой он отдает предпочтение одним явлениям перед другими, на его понимании развития общества и человеческих характеров, на том способе изображения человека, который свойствен данному художнику. С полным правом мы можем говорить и о мире упитовских героев, ярко светящемся на небе родной советской литературы.

Представление о большом таланте связано и с тем, что крупный художник вносит свой вклад в разработку теории искусства. Начиная с «Истории новейшей латышской литературы» (1911 г.), где Упит делает первую попытку осмыслить развитие родной литературы с марксистской точки зрения, он неустанно трудится в области литературоведения и литературной теории. В советское время им написаны работы, посвященные изучению литературного наследства, исследование «Вопросы социалистического реализма в литературе». Блестящая эрудиция, превосходное знание процессов развития мировой литературы дали возможность Упиту в этом исследовании поставить и оригинально, хотя в некоторых случаях и спорно, разработать ряд проблем эстетики социалистического искусства, являющегося новым шагом в художественном развитии человечества.

Деятельность Упита — неповторимого художника и вдумчивого теоретика — равно направлена к одной великой цели: служению родному народу, строящему коммунизм.

А. МАКАРОВ

ВОЛНУЮЩИЙ ПРИЗЫВ К РАЗУМУ И СЕРДЦУ ЛЮДЕЙ ДОБРОЙ ВОЛИ

ОТКЛИКИ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ НА ДЕКЛАРАЦИЮ СОВЕЩАНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОММУНИСТИЧЕСКИХ И РАБОЧИХ ПАРТИЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН И МАНИФЕСТ МИРА

Александр КОРНЕЙЧУК

Новая эра в борьбе за мир

ДЕКЛАРАЦИЯ Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран и Манифест мира нашли горячий отклик в сердцах трудящихся Советской Украины, в сердцах народов Советского Союза и всего мира. В этих исторических документах отражена всепобеждающая сила марксистско-ленинских идей, которыми живет теперь мир, которыми живут даже люди, далекие от коммунистических партий.

Эти документы окрыляют народы мира на борьбу за дружбу и сотрудничество.

Мне часто приходится бывать за границей, и я вижу, каким огромным авторитетом пользуется наша великая Родина — Советский Союз, возглавляющий борьбу за мир во всем мире. Этот авторитет особенно возрос после того, как в нашей стране были запущены первые в мире спутники Земли. В какую бы страну сейчас ни приехать, к тебе подходят незнакомые люди, пожимают руку и говорят по-русски: «Спутник»... Это — слава и гордость нашего творчества, нашей науки, всей нашей социалистической системы.

В будущем году состоится Всемирный конгресс сторонников мира, на который будет приглашено много людей, которые не входят в это движение. Конгресс будет посвящен вопросам разоружения и защиты мира во всем мире. Мы счастливы, что основные положения Декларации и Манифеста мира помогут нам объединить новые сотни миллионов людей вокруг непобедимого знамени мира.

Эти документы уничтожающе разоблачают колонизаторов-империалистов и их прислужников, несущих народам не только войну, но и голод, и страдания.

Многие колониальные прежде страны освободились, сбросили иго колониализма. Но даже в этих странах колониализм оставил страшно трудно смываемые следы! Что же он дал народам? Человеконенавистническую теорию Мальтуса и неомальтузианцев: сокращайте население, рождайте меньше детей. И все!

Недавно мой друг лауреат Международной премии мира Жозуэ де Кастро выпустил в свет новый труд «Черная книга голода». Это страшный документ, который показывает, что до сих пор две трети населения земли голодают и недоедают. Этот труд следовало бы повнимательнее почитать некоторым нашим туристам, которые, побывав за границей, посмотрев витрины магазинов Парижа и Лондона, возвращаются в неумном восторге: «Ах, какие богатства там за зеркальными стеклами!»

Такие туристы забывают или не понимают, что богатства эти в большой мере собраны капиталистами за счет голода и недоедания миллионов людей в колониях и полуколониях. Но весь исторический опыт, но сама жизнь показывают нам, крах колонизаторов неизбежен.

Украинский народ глубоко благодарен Центральному Комитету нашей партии, всем делегатам коммунистических и рабочих партий, которые создали эти солнечно-светлые Документы

Открыта новая эра в борьбе народов за мир и счастье всех народов земного шара.

Высоко в небе летят советские Спутники, вдохновляя все народы на борьбу за мир. Спутником каждого честного сердца будут проникновенные слова Декларации и Манифеста мира, призывающие к миру и счастью на земле.

КИЕВ

Петрусь БРОВКА

В единении — наша сила

САМЫЙ глубокий след, который оставит в мировой истории нынешний год — год 40-летия Великого Октября, будут рожденные в Москве Декларация и Манифест мира. Сегодня нет в мире таких документов, которые волновали бы человеческие сердца больше, чем Декларация и Манифест мира. В них дан глубокий анализ современного международного положения, с исключительной ясностью определены пути сохранения мира на нашей планете, обеспечения спокойной и счастливой жизни грядущим поколениям.

Более столетия тому назад «Коммунистический Манифест» провозгласил всему человечеству о том, что «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма». Декларация, принятая на Совещании представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран, во всеуслышание заявила: «Теперь уже более трети населения всего мира — свыше девятисот пятидесяти миллионов человек — вступило на путь социализма и строит новую жизнь».

Восторжествовали социалистические принципы братских взаимоотношений между народами. Высокими чувствами пролетарского интернационализма преисполнены наши сердца. В единении, дружбе и братстве мы черпаем наши силы.

Нам, белорусам, это особенно очевидно. У всех еще живы в памяти первые после второй мировой войны годы. Города и села Беларуси лежали в руинах и пепле. Но братское участие и поддержка сделали неслыханное. Прошло лишь одно десятилетие, и Республика после ужасного опустошения ожила, выпрямилась, похорошела, стала еще могущественнее, чем была. И все это благодаря дружной помощи всех народов Страны Советов.

На дружескую помощь белорусский народ отвечает взаимностью. Посланцев Белоруссии можно встретить на целинных землях Казахстана, в шахтах Донбасса, на стройках Сибири и далекого Севера. Продукцией своей молодой индустрии славна Беларусь на целый свет. Мощные минские самосвалы служат мирному труду китайских строителей, а тракторы «Беларусь» бороздят поля знойной Индии.

Как родных братьев, самых близких друзей, принимают белорусы у себя китайцев, поляков, корейцев, вьетнамцев, передавая им свое производственное мастерство, научные знания. Расцветает экономическое, научное и культурное сотрудничество Белоруссии со странами социалистического лагеря.

Куда ни бросишь свой взор, о каком самом отдаленном уголке нашей Родины ни подумаешь, — всюду кипучая, невиданная по своим масштабам, созидательная деятельность свободных народов. Эту радость мирного созидания и воспевает многонациональная советская литература. В лучших своих произведениях она несет человечеству высокие идеи новой жизни, мира и свободы, раскрывает самые гуманные идеалы коммунизма.

Напрасно буржуазные наемные кликуши пытаются очернить основное оружие советского писателя — метод социалистического реализма. Верные этому методу, мы пишем правду. А правда советской жизни такова, что положительного у нас премного больше, чем отрицательного. Как бы ни бесновались идеологи империализма, мы и впредь будем писать правду, показывая всю красоту, все величие социалистического строя, мы и впредь будем приобщать другие народы к тому новому, светлому, прекрасному, чем мы живем. Мы и впредь будем писать о том, как не покладая рук трудится наш народ, чтобы лучше родила земля, чтобы советские спутники взлетали в космическую высь, чтобы радостные и счастливые улыбки не покидали наших детей.

Манифест мира глубоко волнует каждого, кто думает о лучшей жизни для народа, кто искренне стремится не допустить войны. И белорусский народ, показавший не однажды миру образцы подлинного героизма на поле брани с врагами-пришельцами, всей душой стоит за дело мира, ибо он не хочет, чтобы повторилось снова то ужасное, что недавно пережито. Он хочет жить и творить в счастье и радости.

Миру — мир! Эти слова, единодушно начертанные представителями братских коммунистических и рабочих партий в столице нашей Родины — Москве, глубоко западут в сердце каждого, кому ненавистна война, и будут горячо одобрены миллионами людей доброй воли.

МИНСК

Симуляция глухоты

ВЕЛИКОМУ американскому демократу Томасу Джефферсону принадлежит изречение: «Когда пресса свободна и каждый грамотен, — все в порядке». Если судить о вещах с этой точки зрения, в США далеко не все в порядке. Миллионам грамотных американцев приходится узнавать о крупнейших мировых событиях со страниц прессы, находящейся в рабском подчинении у монополий. Информация, пропущенная через фильтр долларовой прессы, попадает к читателю в искаженном до неузнаваемости виде. Так произошло, в частности, и с документом исторического значения — Декларацией, принятой Совещанием представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран.

Есть в Америке город Хьюстон. В нем выходит газета «Кроникл». Не рискуя предоставить читателям текст Декларации или хотя бы ее добросовестное изложение, «Кроникл» опубликовала свой «дайджест» — выжимку из Декларации. Мы знаем об упражнениях американских книгоиздателей, фабрикующих «дайджесты» из произведений Льва Толстого, Вильяма Шекспира и других титанов мировой литературы. Сколь ни низкопробны подобные концентраты, они хотя бы имеют какое-то — пусть самое отдаленное — отношение к оригиналам. «Дайджест» газеты «Кроникл» не имеет ничего общего с Декларацией. «Значение декларации совершенно ясно, — пишет «Кроникл». — В ней говорится, что мировое господство — это цель коммунизма и что Кремль должен быть лидером этого движения... Это явный призыв к вооруженной революции и гражданской войне в тот момент, когда лидеры в Кремле будут считать, что настал час нанести удар»(!)

Трудно придумать больший вздор, более беспардонную и наглую клевету. Декларация проникнута стремлением к упрочению мира на земле. В этом ее смысл, ее благородный пафос. Да, в Декларации есть немало истин, весьма неприятных для империалистических кругов Запада. Удар попал не в бровь, а в глаз. И отсюда — бессильная, беспомощная ярость реакционной печати.

Не зная, как опровергнуть по существу тезисы Декларации, чиновники госдепартамента заявили, что Декларация якобы содержит «фальсификацию действительного положения в мире». Но против этих абсурдных обвинений восстали даже те комментаторы, которые весьма далеки от коммунистических идей. Обозреватель японского радио Тадаси Сигемори заявил, что, по его мнению, «Декларация является документом, анализирующим международную обстановку с твердым знанием событий».

Было бы полбеды, если бы лишь малоизвестные провинциальные листки извращали смысл исторических документов, принятых в Москве. Но вот текст выступления американского вице-президента Никсона по поводу Манифеста мира, принятого Совещанием представителей коммунистических и рабочих партий более 60 стран. Увы, сей государственный деятель «проанализировал» Манифест мира с той же лихостью, с какой щелкоперы из «Кроникл» «изложили» Декларацию.

«Этот документ, — сказал Никсон, — предостерегает нас заранее, что деятели Кремля начинают уже сейчас массированное невоенное наступление, имеющее целью свержение всех свободных правительств». Что такое? Читал ли вице-президент своими глазами Манифест мира, или он почерпнул информацию о нем из той же хьюстонской «Кроникл»? Ведь в Манифесте черным по белому утверждается обратное: «Социалистические страны ни одному народу не хотят силой навязывать свою общественную и политическую систему. ...Социалистические страны далеки от того, чтобы вмешиваться во внутренние дела других стран...»

Люди мечтают о прекращении осточертевшей всем холодной войны. Американский вице-президент придерживается иного взгляда. Он заявляет: «Нам нужны стойкость и решимость — готовность терпеливо вести холодную войну в течение неопределенного периода времени». Невеселые перспективы сулит своему народу правительство Соединенных Штатов!

«Они готовятся к завоеваниям», — так американский вице-президент резюмировал Манифест, который является пламенным призывом покончить с войнами на земле!

Мы говорим: Фома, они делают вид, что расслышали: Ерема. Это не глухота, а симуляция глухоты в корыстных целях — дабы усиливать гонку вооружений. И все-таки подлинный дух и смысл Декларации и Манифеста мира в конце концов неминуемо дойдет до сознания рядовых американцев, как дошел он до сердец миллионов тружеников во всем мире, увидевших в этих документах путеводную звезду, указывающую дорогу к прочному миру и прогрессу.

ЛИТЕРАТОР

КРИВОЕ ЗЕРКАЛО

ТРИ фигуры стоят перед зеркалом. Две из них — большие. Они олицетворяют собой американский рабочий класс и трудовое фермерство. Третья, тщедушная, фигурка символизирует класс капиталистов, которые составляют ничтожную часть населения Соединенных Штатов. Зеркало показывает представительство этих классов в американском конгрессе. Но что это? Фигуры рабочего и фермера стали в зеркале едва заметными, а фигура капиталиста раздулась, выросла до неимоверных размеров. Зеркало явно кривое, негодное.

Эта остроумная карикатура художника Фреда Райта опубликована в американской газете «Дейли уоркер». Но она нуждается в некотором уточнении. Дело в том, что в конгрессе Соединенных Штатов ни рабочий класс, ни трудовое фермерство не представлены вовсе.

Make-up of the New House and Senate BY PROFESSION —

	In the House*	In the Senate
Lawyers	257	57
Businessmen	102	17
Publishers	20	7
Teachers	28	4
Farmers	15	7
Other pursuits	11	4

*** More than half — 60% — of all Senators and of all Representatives are lawyers.**

Чтобы не быть голословными, откроем журнал американских монополистов «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт». В нем опубликована вот эта таблица. Она показывает, что представляют собой, или, вернее, кого представляют «избранники народа» в американском конгрессе. Как известно, конгресс состоит из палаты представителей, насчитывающей 435 членов, и сената, в котором заседают 96 сенаторов.

Судя по таблице, первыми по численности в конгрессе идут юристы. Подпись внизу, набранная жирными буквами, указывает, что «более половины — 60 проц. — всех сенаторов и всех членов палаты представителей являются юристами». Ни для кого не секрет, что эти юристы находятся на службе у промышленных корпораций и являются их ставленниками в конгрессе.

Вторая по численности группа — сами монополисты, нефтяные магнаты, банкиры. В палате представителей их 102, в сенате — 17. Затем идут издатели (20 и 7 соответственно), представляющие трестированную буржуазную печать. 28 человек в палате представителей и 4 в сенате отнесены к рубрике «преподавателей». В основном это крупные буржуазные экономисты, профессора богатых университетов, далекие от того, чтобы их назвать «представителями народа».

22 конгрессмена попали в группу «фермеров». Все они — крупные помещики и плантаторы. Примером такого «фермера» может служить мракобес и расист сенатор Истлэнд, владелец большой плантации в штате Миссисипи, где на положении рабов у него работают негры.

И, наконец, 11 членов палаты представителей и 4 сенатора отнесены в неопределенную рубрику «прочих». Это отнюдь не означает, что «прочие», подобно другим конгрессменам, не служат интересам монополий.

А где же представители рабочих, трудового фермерства? **Ни одного представителя трудового народа, ни одного посланца демократических слоев американской общественности в конгрессе США нет!**

...Почти сто лет назад президент Авраам Линкольн говорил о том, какой должна быть настоящая власть. Это должно быть «правительство народа, из народа, для народа». Американский конгресс — образец власти без народа, действующей вопреки воле народа, против народа.

Эсланда РОБСОН,
американская общественная деятельница

ЛУИ АРМСТРОНГ ВЫСКАЗЫВАЕТ СВОЕ МНЕНИЕ

Американские расисты не унимаются. Нет дня, чтобы телеграф не принес вести об их очередных гнусных выходках. Вот хроника последних дней.

В штате Южная Каролина взорван дом женщины, издавшей книгу с призывом «соблюдать умеренность в отношениях между расами». День спустя взлетел на воздух дом, где жил негр-арендатор Льюис Форд с семьей.

В штате Джорджия законодательное собрание разрабатывает «новую стратегию» для того, чтобы не допустить негров к голосованию в своем штате. «Новая стратегия» заключается в том, что неграм-избирателям будут предварительно задавать 30 казуистических вопросов, ответить на которые способен разве что квалифицированный законовед. Негр, не выдержавший этого экзамена, к выборам не допускается...

Расовая дискриминация вызывает все растущее негодование американских негров. Причем в борьбу включаются и такие люди, которые всегда считались далекими от политики и вполне «благонадежными» с точки зрения властей. Об этом рассказывает в своей корреспонденции из Нью-Йорка известная общественная деятельница Эсланда Робсон.

ВОЗМУТИВШИСЬ нападениями на негритянских школьников в Литл-Роке и других городах, американский негр-трубач Луи Армстронг, известный во всем мире миллионам любителей джаза под именем «Сэтчмо» («Губастый»), отложил в сторону трубу и высказал свое мнение. При этом он взял такую высокую ноту, что в истории негров Америки и всего мира зазвучала новая мелодия.

В беседе с представителем газеты «Гранд-Форкс геральд» Луи Армстронг заявил: «Если они обращаются так с моим народом на Юге, то правительство может проваливать к черту. Дело дошло до того, что у цветного вообще нет отечества». И каждый уважающий себя негр поддержал его.

Многих интересует, как относятся шестнадцать миллионов американских негров к сегрегации, дискриминации, преследованиям, террору и убийствам всех, кто решительно борется за права, гарантированные нам конституцией.

Теперь наша позиция всем станет ясна. Луи Армстронг, наш талантливый музыкант, изложил ее кристально ясным и недвусмысленным языком.

Луи Армстронг, которого называют «послом с трубой» или «послом джаза», не раз принимал участие в организованных государственным департаментом заграничных гастрольных поездках, имеющих целью доказать, что положение негров в США не так плохо, как его описывают. Недавно была запланирована такая же поездка в Советский Союз. Однако Армстронг, возмущенный последними событиями на Юге, в гневе отменил ее, сопроводив свое решение убедительным заявлением: «Если меня там спросят, что происходит в моей стране, что я смогу ответить?»

Нью-йоркский негритянский еженедельник «Амстердам ньюс» следующим образом комментировал попытки использования американских негров в пропагандистских целях: «Наше правительство в течение ряда лет использует негров-интеллигентов — артистов, проповедников и многих других в роли посольских дядей Томов. Предполагается, что, показывая по ту сторону железного занавеса свои откормленные и холеные лица, они являются живым доказательством того, что в Соединенных Штатах все счастливы и равны и что цветной барьер — это миф. И вот, наконец, «Сэтчмо» подал сигнал... Молодец, Сэтч!»

Мне думается, что организованные правительством заграничные поездки отобранных негров и борьба государственного департамента против Поля Робсона — это две стороны одной медали. Ведь ему отказывают в выдаче паспорта под предлогом, что он критикует за границей положение негров в Соединенных Штатах, а это, как заявляют юристы из паспортного отдела государственного департамента, «противоречит интересам США». Вот почему Робсона надо держать дома, лишить его возможности путешествовать, заставить молчать, а за границу, особенно в «цветные» и «стоящие вне блоков» страны, следует посылать таких негров, которые говорят правильные, с точки зрения американского правительства, вещи. И именно они должны доказать «прогресс», достигнутый неграми в нашей стране.

Заявление Армстронга дошло до сознания многих. Стало понятнее, чем прежде, что в любой момент миллионы негров могут дойти до предела и заявить: «Хватит!»

На другой день после своего заявления Луи Армстронг был несколько огорошен реакцией как внутри страны, так и за границей. Но он не отступил от своих слов. Репортерам, показавшим ему корреспонденцию, написанную на основе его заявления, он сказал: «Это просто превосходно. Ничего отсюда не выбрасывайте. Это как раз то, что я сказал и что говорю теперь». И затем, чтобы не оставить и тени сомнения у негров и любителей джаза, в конце корреспонденции он приписал «Здóрово» и поставил свою подпись.

Реакция общественного мнения оказалась весьма показательной.

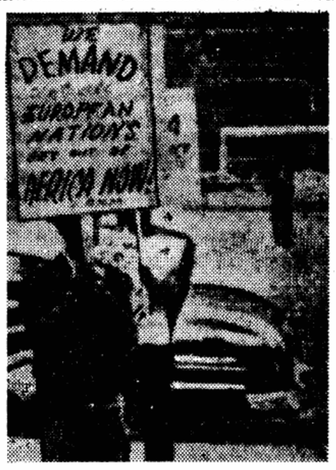
В негритянской прессе появились передовые, фельетоны, статьи, в которых пораженной нации пытались разъяснить, что Армстронг действительно выразил мысли шестнадцати миллионов негров. Теперь ясно, что всякий заслуживающий доброго слова негр считает так: если правительство не защитит его детей от нападений и оскорблений, когда они, не нарушая закона, мирно направляются в школы, то он должен по-новому посмотреть на положение в своей стране.

Среди общего ликования, охватившего негров в связи с заявлением «Сэтчмо», прозвучала, однако, нотка раздражения. Негр-конгрессмен Адам Клейтон Поуэлл, выступавший по телевидению, сказал, что Луи ничего не понимает в международных отношениях, так как он всего-навсего музыкант. (События в Литл-Роке не имеют, между прочим, никакого отношения к международным делам, если не считать, что они произвели очень плохое впечатление во всем мире).

Впрочем, удивительного тут мало, если вспомнить, что это тот самый Поуэлл, который совершенно не понял значения исторической Бандунгской конференции, состоявшейся в Индонезии в 1955 году. Он присутствовал на первой конференции народов Азии и Африки только лишь для того, чтобы критиковать коммунистов и продолжать холодную войну.

Справедливое возмущение Армстронга нашло широкий отзвук, ибо оно отражало истинные настроения негритянского общественного мнения. Упоминавшийся уже нью-йоркский еженедельник «Амстердам ньюс» писал в передовой статье: «Трубач Луи Армстронг сказал то, что многие негры в нашей стране думали или что они хотели сказать уже очень давно. Быть может, многие из нас не были столь откровенны и точны, как Луи, но теперь, когда он высказался, мы можем быть честными и признать, что он поступил чертовски хорошо, обобщив все то, что думают негры об отношении правительства к нам и нашим детям».

НЬЮ-ЙОРК



Перед зданием Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке — пикеты негров, несущих плакаты, на которых написаны требования народов Африки. Надпись гласит: «Мы требуем, чтобы все европейские государства немедленно убрались из Африки!»

Снимок из французской газеты «Либерасьон».

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

Весна принадлежит нам

ЗА ПОСЛЕДНЕЕ время наши читатели познакомились с несколькими новыми переводами произведений китайских писателей, выпущенными Государственным издательством художественной литературы. Среди них — книги Ба Цзиня, одного из крупнейших современных китайских романистов.

Имя Ба Цзиня давно пользуется любовью и уважением китайских читателей, и особенно молодежи, за то, что его произведения проникнуты духом нетерпимости к силам, угнетавшим и морально уродовавшим человека, к лицемерию и невежеству, злу и жестокости. Лу Синь, высоко оценивая творчество Ба Цзиня, писал, что «это темпераментный писатель, с прогрессивной идеологией, стоящий в ряду хороших писателей, которых легко сосчитать по пальцам».

Бурное развитие культурной революции в Китае привело к созданию в 1930 году «Лиги левых писателей» во главе с основоположником современной китайской литературы Лу Синем. Лига сплотила вокруг себя наиболее передовых литераторов страны. В своих книгах они резко критиковали социальные пороки старого полуфеодального общества. В 1929 году вышла первая повесть Ба Цзиня «Гибель». И хотя главная идея повести была несколько противоречива, однако стремление героя романа — молодого революционера Ду Да-синя «разрушить все несправедливое, чтобы создать прекрасный мир», находило горячее сочувствие у молодежи.

В начале 30-х годов Ба Цзинь пишет «Новую жизнь», «Умершее солнце», «Сны моря», «Рудокопы», «Снег», «Всходы», «Осень весною» и другие свои произведения.

К раннему периоду творчества Ба Цзиня относится также и трилогия «Любовь» («Туман», «Дождь», «Молния»). В ней автор показывает судьбы китайской молодежи в революции. Героями трилогии руководит мысль, что «жизнь в борьбе — самая красивая, даже если в ней много невзгод».

Одно из главных мест в творчестве Ба Цзиня занимает его трилогия «Стремительное течение», состоящая из романов «Семья», «Весна», «Осень». Она написана в жанре семейной хроники. Перед читателем — жизнь Китая начала двадцатых годов. Рушатся старые устои. Даже в консервативную семью шэньши, в которой господствует суровый домострой проникает свежий воздух революции.

Старому Гао, главе патриархальной семьи, в трилогии противопоставлены представители молодого поколения — внуки старого Гао. Главный герой трилогии — Цзюэхой. Упорный в борьбе, он решительно восстает против феодальных порядков и нравов. Цзюэ-хой уходит из семьи, чтобы связать свою судьбу с революционной борьбой за счастливое будущее. Смысл жизни он видит в революционной борьбе.

Как ни мрачна картина «темного царства» семьи Гао, нарисованная Ба Цзинем в трилогии «Стремительное течение», читатель закрывает последнюю книгу романа с чувством уверенности, что молодое поколение, вступившее на путь революционной борьбы, завоюет лучшее будущее. Вспоминаются слова одной из героинь романа: «Весна принадлежит нам». Сегодня, когда китайский народ добился полной победы над силами старого общества, эти слова полны особого смысла.

Романы Ба Цзиня интересны не только с художественной, но и с исторической и познавательной точки зрения. Это подлинная энциклопедия быта и нравов старого китайского общества.

Советский читатель с интересом познакомится с двумя трилогиями Ба Цзиня, которые займут свое место на наших книжных полках рядом с томами Лу Синя, Мао Дуня, Го Мо-жо и других китайских писателей.

В. АЛЕКСЕЕВСКИЙ

Романы «Семья», «Весна», «Осень», трилогия «Любовь». Гослитиздат.

Мастер новеллы

НАШИ читатели, к сожалению, еще недостаточно знакомы с арабской литературой, в частности с египетской. За последние два-три года вышел ряд сборников, в которых представлены произведения некоторых писателей Арабского Востока. Но этого мало. Поэтому надо приветствовать любую книжку, открывающую новое писательское имя. Такой книжкой является небольшой сборник рассказов Махмуда Теймура, выпущенный в серии «Библиотека «Огонька».

Имя Махмуда Теймура — крупнейшего современного писателя Египта — хорошо известно на Арабском Востоке. С самого начала литературного пути он выступил как рассказчик. Своим творчеством писатель оказал большое влияние на развитие новеллы в арабских странах. Теймур создал много образов современников, широко раскрыв жизнь своей страны первой половины нашего века.

В его рассказах мы встречаем простых людей — честных и трудолюбивых, и бездушных богачей, и хитрых «святых» имамов, мелких воров и крупных торгашей. Симпатии писателя неизменно на стороне тех, кто своим трудом и всей своей жизнью служит народу...

Вот рассказ «Трамвай № 2».

В одном вагоне часто ездит девушка. Но у нее вечно нет денег, ей нечем платить. А кондуктор Ханафи обязан продать ей билет. Что же делать? И девушка вынуждена обращаться за помощью к случайным попутчикам. Ханафи один, бобыль-бобылем. И девушка одна. Ни родных, ни близких. Бывают дни, когда она ничего не ест... Проходит время. И, кажется, сама судьба решает свести этих двух, совсем одиноких людей: его — требовательного по долгу службы, и ее — прощающую грубости кондуктору, исполняющему свои служебные обязанности. Теймур заключает новеллу строкой: «Наконец Ханафи оказался у своего дома... И в ожидании остановился у дверей...» И читатель уже знает, кого ждет кондуктор...

А вот рассказ «Наджия».

Шейх ас-Саадави выгнал из дому свою дочь Наджию, «которой было шестнадцать лет, когда она запятнала позором своего отца». И вот она вернулась десять лет спустя, вернулась без сил, умирающая. И только теперь понял старый шейх, как глубоко виноват был он, отторгнув от себя близкое существо. Надо было умереть Наджии, чтобы отец увидел все лицемерие сложившихся в обществе предрассудков...

Махмуд Теймур — большой художник. Он умеет на нескольких страницах развернуть целую картину, выразить большую мысль, заклеймить то или иное уродливое явление в жизни. Лаконизм — отличительнейшая черта его произведений. Чтобы рассказ или новелла были лаконичными и максимально выразительными, надо уметь выбрать в жизни героя наиболее характерные моменты, наиболее яркий сгусток событий в его судьбе. Только в этом случае лаконизм может сочетаться с художественной выразительностью. Именно так и поступает Махмуд Теймур.

Издательству «Иностранная литература» следовало бы пошире познакомить советского читателя с произведениями писателей Арабского Востока, и в частности одного из крупнейших мастеров Махмуда Теймура, который уже полюбился нам.

Георгий ГУЛИА

Махмуд Теймур. «Шейх Джума». «Библиотека «Огонька», № 3, 1957.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ.
Редакционная коллегия: М. АЛЕКСЕЕВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, В. ДРУЗИН (зам. главного редактора), П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора). Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, Е. РЯБЧИКОВ, В. СОЛОУХИН, В. ФРОЛОВ.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — Б 1-11-69, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, отделы: литератур народов СССР — Б 8-59-17, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б04449